

О чем умолчали  
учебники

М. И. Ципоруха

# ПЕРВОПРОХОДЦЫ



РУССКИЕ ИМЕНА  
НА КАРТЕ ЕВРАЗИИ

О чем умолчали учебники

Михаил Ципоруха

**Первопроходцы. Русские  
имена на карте Евразии**

«ЭНАС»

2016

УДК 94(100)

ББК 63.3

**Ципоруха М. И.**

Первопроходцы. Русские имена на карте Евразии /

М. И. Ципоруха — «ЭНАС», 2016 — (О чем умолчали учебники)

ISBN 978-5-91921-130-3

В XVII–XX веках на географических картах появлялись десятки и сотни новых названий, связанных с именами русских путешественников. Русские мореплаватели, землепроходцы и ученые-натуралисты открыли различные природные объекты в Северном Ледовитом океане, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии: острова и полуострова, заливы и проливы, реки и озера, горные вершины и хребты. В книге рассказано о тех исследователях, чьи имена вспоминают редко, а многие из них незаслуженно забыты или почти забыты. Однако деятельность этих первопроходцев была направлена на благо страны и способствовала развитию отечественной и мировой науки.

УДК 94(100)

ББК 63.3

ISBN 978-5-91921-130-3

© Ципоруха М. И., 2016

© ЭНАС, 2016

## Содержание

Идущие за мечтой	6
Иван Москвитин	7
Семен Дежнев и Федот Попов	18
Владимир Атласов	23
Степан Крашенинников	34
Иван Козыревский	48
Мартын Шпанберг	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# **Михаил Исаакович Ципоруха**

## **Первопроходцы. Русские имена на карте Евразии**

© М. И. Ципоруха, наследники, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

\* \* \*

## Идущие за мечтой

В XVII – XX веках русские мореплаватели, землепроходцы и ученые-натуралисты открывали и для страны, и для мира многие географические объекты в северных морях, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии – острова и полуострова, заливы и проливы, реки и озера, горные вершины и хребты. На картах появлялись десятки и сотни новых названий, связанных с именами русских путешественников и исследователей. Просвещенная Европа и весь остальной мир восторгались ими, нашими предками. «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII века, – писал английский ученый Дж. Бейкер, – шло с ошеломляющей быстротой. ...На долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не совершил никакой другой европейский народ».

О наших прославленных путешественниках С. И. Челюскине, братьях Лаптевых, Н. Н. Миклухо-Маклае, Н. М. Пржевальском, И. Ф. Крузенштерне, Г. И. Невельском, Ф. Ф. Беллинсгаузене знают и в Европе, и в Австралии, и в Америке.

В этой книге рассказано о тех исследователях, чьи имена не так известны. К сожалению, о них вспоминают редко, а многие из них забыты или почти забыты. Однако деятельность этих первопроходцев, страстно мечтавших о неизведанных землях, была направлена на благо страны и немало способствовала развитию отечественной науки, унаследованной такими же мечтателями, увлеченными людьми – учеными нашего времени.

*М. Ципоруха*

## Иван Москвитин К суровому Охотскому морю

*Но нам, вожатым, был голос мечты!  
Зовом звучали в веках ее клики!  
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,  
Тихий! Великий!..  
Вот чего ждали мы, дети степей!  
Вот она, сродная сердцу стихия!  
Чудо свершилось: на грани своей  
Стала Россия!*

*(Валерий Брюсов)*

В 30-х годах XVII века русские казаки и промышленники закрепились в Якутске на Лене и, базируясь на Ленских острогах и зимовьях, в поисках «новых земель» двинулись и морской дорогой на восток от устья Лены, и прямо на восток по сухопутью, и на юг по Лене и ее правым притокам. До них доходили от местных племен смутные слухи о том, что на востоке простирается огромное море, а на юге за хребтами течет широкая, полноводная река «Чиркол или Шилкор» (ясно, что речь шла несомненно о реках Шилке и Амуре).

Томский казачий атаман пятидесятник Дмитрий Епифанович Копылов, служивый человек Фома Федулов и енисейский подьячий Герасим Тимофеев 11 января 1636 года подали томскому воеводе князю Ивану Ивановичу Ромодановскому челобитную, в которой утверждали, что знают дорогу «на реку Сивирюю, а живут на той реке тунгусы многие... а на тебя, государь, ясака (подать, которую взимали ценными мехами) с тех тунгусов не имывано, а служилые твои государевы люди в тех землях не бывали». Челобитчики просили князя отпустить их на эту реку и снабдить экспедицию оружием и продовольствием.

Воевода послал с Копыловым в поход 10 конных и 40 пеших казаков. В 1637 году Копылов привел отряд из Томска в Якутск, главный острог «Ленской землицы». В составе отряда были даже подьячий и кузнец «для пищальных поделок и для всяких судовых дел». Наверное, в Якутске никто не мог указать Копылову дорогу к этой таинственной реке, на берегах которой можно было добыть много «мягкой рухляди», то есть ценных мехов. Как ни странно, но направление атаман выбрал правильное.

Весной 1638 года отряд Копылова со взятым из Якутска переводчиком-толмачом Семеном Петровым по кличке Чистой спустился по Лене до устья ее правого притока Алдана, а затем пять недель на шестах и бечевой поднимался вверх по нему. В конце июля в 100 верстах (около 107 километров) выше устья реки Май, правого притока Алдана, Копылов поставил Бутальское зимовье и объясачил окрестных тунгусов (теперь их зовут эвенками) и якутов. Это зимовье стало базой для формирования разведывательных отрядов по поиску пути к неведомым морям и рекам.

Именно там, в Бутальском зимовье, были получены самые ранние сведения о существовании в низовьях впадающей в море реки Чиркол «серебряной горы» (гора Оджал). А ведь на Руси в ту пору ощущалась острая нехватка серебра. Именно поэтому на поиски этой горы решено было в конце 1638 года отправить с Алдана специальную экспедицию.

Поздней осенью 1638 года Копылов направил к верховьям Алдана отряд казаков с целью разыскать таинственный «Чиркол», но нехватка продуктов заставила посланных вернуться. Из расспросов местных жителей казаки узнали, что за горным хребтом Джугджур находится большое море. Возникла идея отправки экспедиции к устью Чиркола по этому морю.

В мае 1639 года Копылов отправил на разведку пути к «морю-окиану» отряд во главе с томским казаком Иваном Юрьевичем Москвитиним. В составе отряда было 20 томских казаков и 11 красноярских. Вели отряд проводники-эвенки. В отряде состоял казак Нехорошко Иванович Колобов, который, как и Москвитин, представил в январе 1646 года «скаску» о своей службе в этом походе. Обе эти «скаска» явились важными документами, осветившими обстоятельства выхода русских землепроходцев к Охотскому морю.

Приведем строки из «скаска» казака Нехорошка Иванова сына Колобова.

«В прошлом де во 147 году (1639 год) с Алдана реки из Бутанского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрий Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их казаков, с ним тритцать человек на большое море окиян, по тунгусскому языку на Ламу.

А шли они Алданом вниз до Майи реки восьмеры сутки, а Маею рекою вверх шли до волоку семь недель, а из Майи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть ден, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, да тою Ульею рекою шли вниз стругом плыли восьмеры сутки и на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она впала в море, пятеры сутки. И тут де они, на усть реки, поставили зимовье с острожком».

Вскоре после того, как отряд Москвитина в июне 1639 года вышел на реку Маю, выяснилось, что среди тунгусов, сопровождавших казаков в качестве вожей (проводников), есть две женщины, которые уже бывали в Приамурье. Они первыми и сообщили казакам, что нижнюю часть реки Чиркол называют еще Омуром или Амуром. Так впервые русские узнали это новое название – Амур, и впоследствии известный географ второй половины XVII века голландец Н. Витсен определил его как «московское слово».

Дорога к Охотскому морю по незнакомому маршруту была трудной и опасной. Прилагая немалые усилия, казаки протащили лодки по мелким рекам. В пути им не раз приходилось бросать одни и строить новые струги и лодьи, преодолевая волоки и водопады на горных участках рек. Это поистине был путь в неизвестность.

Из Бутальского зимовья казаки поплыли на дощанике, речном плоскодонном парусно-гребном судне, корпус которого был сбит из досок. При подъеме по Мае казаки шли в основном бечевой, но используя и весла, и шесты. Из Майи они поплыли по небольшой и мелкой реке Нудыми, впадающей в Маю слева (близ 138°20' восточной долготы). В ее устье казаки оставили дощаник, на котором плыть далее было нельзя, видимо, из-за его большой осадки. Они построили два струга и продолжили подъем вверх по реке. Далее путь шел по сравнительно короткому перевалу на открытом ими хребте Джугджур, отделяющем речную систему Лены от рек, текущих в Охотское море.

На перевале им пришлось бросить струги. В верховьях притока реки Ульи они построили новый струг и ниже водопада изготовили байдару, лодку, вмещавшую до 30 человек, которую Колобов называл лодьей. В августе 1639 года отряд Москвитина впервые вышел к морю, которое называли Ламским (от тунгусского слова *лама* – «большая вода»; теперь Охотское море). У устья Ульи казаки Москвитина построили несколько изб, окружили их изгородью из заостренных вверху бревен и окопали рвом. Это зимовье (небольшой острог) стало первым поселением русских на дальневосточном побережье.



Иван Москвитин

Особо казаков поразило обилие рыбы в местных реках и соболя в прибрежной тайге. В «скасках» об этом походе содержатся самые первые сведения о тихоокеанских лососевых рыбах: кете, горбуше, кижуче, мальме. Колобов отметил в «скаске»: «Да они ж де ис того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки... А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбунья, столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь». В донесении казак, не сдержавшись, выразил свое удивление тем, что быстрым течением рыбу выбрасывает на берег, и берег оказывается почти весь усыпан этой рыбой, «и ту лежащую рыбу ест зверь – выдры и лисицы красные, а черных лисиц нет».

По реке Улье жили ламуты, или, как их называли казаки, «пешие тунгусы» (они не разводили оленей, теперь их называют эвенами; не путать с эвенками), охотники и рыболовы каменного века, жившие родовым строем. Колобов описал их оружие и инструменты: «А на той де реке на Улье соболя и иного всякого зверя у них много, а бой у них лучной, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало: и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорами».

От местных ламутов казаки узнали о том, что севернее их зимовья впадают в море реки, на берегах которых проживает сравнительно много местных жителей. Поэтому Москвитин выслал в начале октября на речной лодке 20 казаков на север вдоль побережья. Через трое суток они добрались до устья реки Урак, а затем и до реки, получившей название Охота (от эвенкского слова *акат* – «река»). Оттуда казаки проследовали морем далее на восток, пройдя более 500 километров вдоль северного побережья моря. В ходе плавания они открыли устья нескольких небольших рек и Тауйскую губу с устьем реки Тауи.

Зимой 1639/1640 года в устье Ульи Москвитин построил два небольших морских коча (парусно-гребные суда традиционного поморского типа длиной около 17 метров, предназначенные для плавания в северных морях) «по осьми сажен». Это были первые русские морские суда, плававшие в дальневосточных морях.

Казаки попытались убедить эвенов добровольно платить ясак, но те отказались и сделали попытку взять острожек приступом, чтобы уничтожить его защитников. Им это не удалось. Несколько человек стали аманатами (заложниками), им набили на ноги колодки и посадили в «казенную избу», которую постоянно охранял один из казаков. Тогда восемь ламутских родов объединились и напали на острог в то время, когда большая часть казаков на плотбище строила кочи.

Ламуты проникли в острожек, закололи «пальмами» (ножами, привязанными к палкам) охранявшего аманатов казака. Заложники бросились к освободителям, волоча за собой колодки. В это время один из казаков убил ламутского «князца» (одного из родовых старейшин). По словам казаков, «те де тунгусы учили над ним всеми людьми плакать». В это время к острогу подросли казаки, бывшие на плотбище. Захваченные врасплох казаки смогли надеть кюяки (своеобразные доспехи из пластинок, скрепленных между собой) и бросились на нападавших. В конце концов нападение на острог было отбито, казаки захватили в плен еще семерых ламутов, в том числе одного «знатного мужика».

Весной 1640 года Москвитину местный родовой вождь «учел им рассказывать, что от них направо в летнюю сторону (то есть к югу) на море по островам живут тунгусы гиляки сидячие, а у них медведи кормленые, и тех де гиляков до их приходу побил человек с пятьсот, на усть Уды реки пришед в стругах бородастые люди доуры. А платье де на них азямы (то есть отличается от обычного тунгусского), а побил де их обманом: были у них в стругах в однодеревных в гребцах бабы, а они сами человек по сту и по осмьюдесят лежали меж тех баб, и как пригребли к тем гиляком и, вышед из судов, и тех гиляков так и побил. А бой де у них топорки, а сами были все в кюяках збруйных. А русских де людей те бородастые люди называют себе братьями. А живут де те бородастые люди к той же правой стороне в лето по Амуре реки дворами, и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут со всего обычая с русского (то есть как и русские). И промеж их и тех тунгусов живут тунгусы свой род анатарки сидячие, недошод до устья Муры (Амура). А те де онатарки люди богатые, соболей и того зверя и оленей у них много, а торгуют с теми бородастыми доурами на хлеб, на крупу. И про серебро де сказывал, что у тех же де бородастых людей у даур есть».

Это были одни из первых достоверных сведений о народах, обитавших на юго-западном побережье Охотского моря и по берегам устья Амура. Гиляков сидячих, то есть оседлых, сейчас называют нивхами. Выкармливание в неволе медведей связано со своеобразными местными обычаями, когда откормленного медведя убивали на торжественном празднике. Извест-

ный отечественный этнограф А. Я. Штернберг заметил, что эти медвежьи праздники играют такую же роль в социальном общении гиляцкого племени, какую некогда играли олимпийские и другие игры Греции. «Бородатые доуры» – это монголовидные тунгусы. Они являлись эвенкийским племенем, смешанным с монголами.

Получив нужные сведения, Москвитин весной 1640 года поплыл на юг, используя пленного эвена в качестве проводника-вожа. Он прошел вдоль западного берега Охотского моря до Удской губы, побывал в устье реки Уды и, обойдя с юга Шантарские острова, попал в Сахалинский залив. В устье Уды местные жители подтвердили Москвитину сведения о живших на Амуре и его притоках Чие и Омуги (вероятнее всего, речь шла о Зее и Амгуни) и на островах гиляках и даурах. Где-то на западном берегу Сахалинского залива проводник сбежал, но Москвитин поплыл далее вдоль берега до островов, на которых жили «тунгусы голяки сидячие».

Многие историки географических открытий считают, что Москвитин видел небольшие острова у северного входа в Амурский лиман (теперь остров Чкалова и остров Байдукова), а также часть северо-западного берега Сахалина: «И гиляцкая земля объявилась, и дымы оказались, и они (казаки) без вожей в нее идти не смели». Эти же историки считают, что, очевидно, Москвитину удалось проникнуть и в район устья Амура. В «скаске» Колобова, по их мнению, совершенно недвусмысленно сказано, что казаки «амурское устье... видели через кошку (коса на взморье)».

Правда не все историки согласны с этим, и считают, что Колобов допустил ошибку, так как широкий Амурский лиман не похож на устье обычной реки. Поэтому они предполагают, что Москвитин достиг только устья реки Уды, которая впадает в Охотское море напротив Шантарских островов. А, мол, сведения о коренных жителях Амура Колобову стали известны от местных жителей побережья Охотского моря. В его «скаске» упоминались и сахалинские айны, но ведь известно, что на Сахалине Москвитин и его казаки не высаживались. Но при любой трактовке «скаска» Колобова ясно, что подвиг казаков отряда Москвитина очевиден и вызывает восхищение потомков. Продовольствие у казаков было на исходе, и Москвитин повернул на север. В ноябре он стал на зимовку в устье реки Алдомы, не успев добраться до Ульинского острога. Только весной 1641 года Москвитин с отрядом, перевалив хребет Джугджур, вышел на один из левых притоков Майи и к середине июля добрался до Якутска с большим количеством «мягкой рухляди» – соболиных шкур.

Открытие Москвитина стимулировали интерес якутских воевод к местам на побережье Ламского моря. На основании донесений Москвитина Курбатом Ивановым были составлены первые «чертежи» (то есть карты) Охотского побережья. Хотя эти чертежи, вероятнее всего, не сохранились до наших дней, о них есть упоминание в челобитной Курбата от 1642 года.



Якут с оружием (Старинный рисунок)

Курбат Иванов, как грамотный и обладавший, видимо, достаточным общим кругозором, неоднократно привлекался для составления чертежей различных районов Восточной Сибири. После составления им первого чертежа, о котором упомянуто выше, якутский воевода привлек его к составлению нового, охватывавшего на этот раз более обширную территорию – Лену с ее основными притоками: Витимом, Киренгой, Алданом и Вилюем, а также рекой Оленёк, и путь к побережью Охотского моря, где к тому времени уже побывали казаки.

Для изыскания новых путей к побережью «морьякиана» осенью 1641 года из Оймяконского зимовья на реке Индигирке был отправлен на юг конный отряд из 18 казаков и 20 проводников-якутов. Во главе отряда был казак Андрей Иванович Горелый.

Разведывательный отряд проследовал, вероятнее всего, по долине Куйдусуна, левого притока Индигирки. Куйдусун берет начало недалеко от истоков реки Охоты, лежащих за перевалом через хребет Сунтар-Хаята. Далее путь шел к истокам реки Охоты, впадающей в Охотское море. Именно Горелый сообщил о пути по этой реке, которая «пала в море». Этот путь длиной 500 километров казаки прошли всего за пять недель в оба конца. По этому же маршруту перемещались обычно на оленях местные племена. Пожалуй, это был кратчайший путь из уже знакомых русским районов Ленского бассейна к побережью Охотского моря.

В 1646 году Андрей Горелый рассказал в расспросных речах об этой выдающейся экспедиции:

«И с той де с Омокона реки тот Михалко Стадухин (казак-первопроходец, один из первооткрывателей реки Колымы) посылал ево, Ондрюшку, с товарищи, с служилыми людьми, которые тут наперед их были, с осьмьюнатцатью человеки да с ним же якутов человек з дватцать коньми через горы на Охоту реку на вершины... А тех де тунгусов, ламутских мужиков, по той Охоте реки вниз к морю кочуют многие люди оленные... а ходят на тех оленях аргишами (караванами запряженных в нарты оленей). И дороги у них учинены большие пробойные. И они де по тем аргишским дорогам ходили вниз той Охоты реки к морю...

А по той Охоте реки соболя и всякого зверя много и реки рыбные. Они через ту реку на лошадях бродили, и одва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая, и тою быстредью рыбу убивает и на берег выметывает много, и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех ламутских мужиков по той реки юрты сидячие, как есть большие русские посадки. А запасы у них все рыбные, сушеная юкола (вообще юкола – вяленая на солнце или копченая рыба у народов Восточной Сибири) в рыбных мешках и рыбная икра. А того де запаса у них запасают много, что русские хлебные анбары запасы, так у них той пасеной рыбы по юртам много. А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего пять недель... А бой у них лучной, стрелы-копейца костяные, а бьютца на оленях сидя, что на конях гоняют. И в те поры у них, служилых людей, ранили двух человек».

Наступил 1645 год, и русские казаки совершили первое, отраженное в старинных документах XVII века, исторически вполне доказанное плавание из устья Амура в Ламское море. В конце мая этого года, когда устье Амура освободилось ото льда, «письменный голова» (начальник воеводской канцелярии в Якутске) Василий Данилович Поярков со своими казаками после долгого и опасного плавания по Зее и Амуру и последующей зимовки в устье Амура вышли в Амурский лиман. Повернув на север, казаки прошли в Сахалинский залив. Они плыли на речных дощаниках с дополнительно наращенными «нашивами» (верхние бортовые доски наружной обшивки, увеличивавшие высоту борта лодки, ее вместимость и остойчивость), которые были построены ими из заготовленного во время зимовки леса.

Это опасное плавание по бурному неприветливому морю продолжалось три месяца. Казаки плыли вдоль берега, обходя «всякую губу». Во время шторма дощаники отбросило к какому-то большому острову (скорее всего, это был один из Шантарских островов). В начале сентября суда вошли в устье Ульи. Здесь в зимовье, основанном в 1639 году Москвитиним, Поярков остался на зимовку.

Ранней весной следующего года отряд Пояркова, оставив в Ульинском зимовье-острожке 17 казаков во главе с Ермилом Васильевым, проследовал на нартах и лыжах до верховьев реки Май. Там были построены лодки, на которых по Мае, Алдану и Лене казаки возвратились в Якутск, совершив труднейшее путешествие по речным, морским и сухопутным маршрутам общей протяженностью 8 тысяч километров и потеряв почти две трети отряда. Причем путь их проходил по совершенно неизведанным землям Сибири и Дальнего Востока.

Летом 1648 года из Якутска на побережье Ламского моря был послан отряд казаков из 40 человек, в числе которых был и Алексей Филиппов. Возглавил отряд десятник Семен Шелков-

ник. В качестве проводника с отрядом шел ламский (охотский) предводитель одного из эвенских племен «аломунский князец Чюна», который ранее приходил на Оймякон и был доставлен в Якутск, где сообщил ценные сведения о реке Охоте.

Путь отряда в основных чертах повторил маршрут Москвитина. Перевалив хребет Джугджур, отряд по небольшой речке Сикше спустился к Улье. Казаки срубили зимовье прямо в устье Сикши, название которой связано с обилием на ее берегах ягод шикши, или вороники.

До побережья Ламского моря отряд добрался по Улье только весной. В ее устье к Шелковнику примкнули казаки Ермила Васильева, оставленные там Поярковым. От устья Ульи казаки перешли к устью реки Охоты (эвены называли ее Ахоть) и там, сломив сопротивление местных эвенов, в трех километрах от устья поставили острог, где объединенный отряд в составе 54 человек перезимовал.

Вот это зимовье в устье Охоты и стало впоследствии центром, откуда шло освоение всего побережья. И это было не случайно. Устье Охоты расположено в середине низменного участка побережья. В первой половине XVII века именно этот район был более всего заселен местными племенами. Известно и то, что он являлся особо рыбным местом. Фактически это была ключевая позиция на побережье Ламского моря. И вот по мере того, как возрастало экономическое и политическое значение Охотска как центра огромного края, все чаще и море стали называть Охотским, что и закрепилось в конце концов на географических картах.

В июне 1648 года отряд из 26 казаков под начальством Ермила Васильева и Алексея Филиппова на построенных в устье Охоты двух кочах вышел в море и направился на восток. Кочи подошли к устью реки Ини и зашли в лагуну, в которую впадает река. Там им пришлось выдержать нападение ламутов. Пять дней провели казаки на Ине, но, заметив, что эвены вновь собираются напасть на их лагерь, ушли в море.

не, но, заметив,  
собираются на-  
ь, ушли в море.



Морской коч (Реконструкция)

В море суда попали в шторм, и поврежденные кочи выбросило на полосу галечникового берега. Когда шторм несколько утих, то казаки, починив суда, снова вышли в море. Они прошли далее на восток мимо Каменного мыса (полуостров Лисянского), где были обнаружены огромные лежбища моржей. Оттуда суда за сутки дошли до бухты Мотыклейской (у западного берега Тауйской губы, на побережье которой сейчас расположен город Магадан).

Казаки наблюдали вдалеке острова Спафарьева, Талан и др. В устье реки Мотыклеи (вернее, их две – Большая и Малая) казаки прожили три года. И здесь мотыклейские эвены отказались добровольно платить ясак, начались стычки, в ходе которых казаки захватывали аманатов, чтобы заставить эвенов быть сговорчивее и подчиниться. Тогда 15 апреля 1649 года эвены подожгли зимовье, но казаки и на этот раз вышли победителями и захватили много ламутского оружия. Казаки временами голодали, так как эвены мешали им ловить рыбу, надеясь избавиться от пришельцев. Только 15 июля 1651 года Алексей Филиппов с товарищами возвратились на Охоту.

А там мирные отношения с эвенами налаживались с трудом. Еще ранее Семен Шелковник направил гонца в Якутск и просил прислать на помощь человек 100 казаков, обещая, что если начнут эвены платить ясак, то в «ясачном сборе будет прибыль многая». Новый отряд казаков во главе с Семеном Епишевым был послан на Охоту в июле 1650 года, но добраться до Охотского зимовья посланные сумели только 3 июня 1651 года. Когда кочи Епишева подошли к устью реки, то, по его словам, их встретило до тысячи эвенов, которые преградили казакам путь в реку.

Епишев прорвался в Охоту и нашел в фактически осажденном зимовье 20 казаков, исхудалых и больных цингой. Среди них уже не было Семена Шелковника, который скончался еще в 1648 году.

Семен Епишев научил цинготных больных, как приготавливать хвойный настой, принял от целовальника отряда Шелковника собранную за четыре года в качестве ясака «мягкую казну» и продолжил переговоры с «лучшими мужиками» эвенов о добровольной сдаче ясака в дальнейшем. Все это сопровождалось новыми стычками во время походов казаков вверх по рекам Охоте и Кухтую для сбора ясака.

В марте 1652 года Епишев отправил в Якутск весь собранный ясак, выделив для сопровождения «мягкой казны» отряд из 22 казаков. В его состав вошел и Алексей Филиппов. Там он сообщил о своем морском походе, втором (после казаков Москвитина) документально доказанном плавании русских вдоль северного побережья Охотского моря.

А главное, Филипповым была составлена и представлена властям «Роспись от Охоты реки морем итти подле землю до Ини и до Мотыхлея реки, и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь ложится и на которых островах» – первая лоция северного побережья Охотского моря, в которой были описаны берега на протяжении 500 километров – от реки Охоты до Тауйской губы. Именно в ней было впервые отмечено наличие у устья небольших рек этого региона перекрывающих их песчаных кос («кошек»). По этой лоции можно определить скорость движения казачьих судов на веслах: кочи проходили «своею силою» за день 20–25 километров.

В лоции было указано, богата или бедна река рыбой, есть ли на реке туземные становища, и, что особо важно, расположение моржовых лежбищ: «От речки Маши виден моржовый мыс Мотосу, а на нем – лежбища моржей на протяжении двух верст... Много моржей на островах против устья Мотыклеи».

Филиппов отметил, что на Охотском море возможен «звериный зубной промысел», то есть добыча моржовых клыков. Скоро промысел «рыбьего зуба» на побережье Охотского моря начался в полной мере. Сейчас можно отметить только печальный факт: в водах Охотского моря не сохранилось ни одного моржа, все они уничтожены из-за добычи ценных клыков.

Теперь моржи обитают на Тихом океане лишь у берегов Чукотки, да и там их осталось совсем немного.

Трудно складывалась судьба русского острога на Охоте. В 1655 году на замену Епишеву был направлен из Якутска Андрей Булыгин, боярский сын (чин служилого из обедневших боярских родов или присваиваемый за заслуги в сибирской службе). Когда он со своим отрядом добрался до устья Ульи, то, к своему удивлению, именно там встретил Епишева. Оказалось, что эвены все же сожгли Охотский острожек и служилые люди все перебрались на Улью. Булыгину пришлось с боем пробиваться вновь на Охоту и ставить там новый острог. Он в течение всего своего пребывания на Охоте до 1659 года продолжал укреплять и защищать этот важный опорный пункт Руси на тихоокеанских берегах.

Вскоре началось изучение и самого северного участка побережья Охотского моря. Из Анадыря в конце зимы 1651 года отправился на лыжах и нартах на юг, к реке Пенжине, впадающей в Пенжинскую губу Охотского моря, отряд землепроходца Михаила Васильевича Стадухина. В бассейне Пенжины казаки встретили новый для русских народ – коряков («коряцких людей»). Только 5 апреля 1651 года отряд достиг устья реки Алкея (теперь Оклана), правого притока Пенжины. Там стояло укрепленное корякское селение, и казаки овладели им.

С большим трудом добывая лес, Стадухин и его казаки построили лодки (вероятнее всего байдары), годные для плавания по морю. Местные коряки сообщили им, что за морем есть река Гижига, где и лес есть, и соболя много.

От устья Пенжины Стадухин отправился на реку Гижигу, впадающую в Гижигинскую губу того же моря. Там он поставил острог и перезимовал, отбивая все время нападения воинственных коряков. Правда, до него на Гижиге уже побывал во главе отряда из 35 казаков Иван Абрамович Баранов. Именно последний прошел по притоку Колымы, реке Омолон, до ее верховьев и перевалил в долину реки, принадлежавшую уже бассейну Гижиги, и по ней спустился к морю. Таким образом, Баранов открыл путь, связывавший Колыму с побережьем Охотского моря.

Вернемся к Стадухину и его отряду. Летом 1653 года казаки покинули Гижигу и продолжили плавание вдоль побережья. Они проследовали вдоль западного побережья залива Шелихова и в конце лета дошли до устья реки Тауи. Так впервые были прослежены с борта судна около 1000 километров северного побережья Охотского моря. На берегах Тауйской губы жили тунгусы, но и тут сбор ясака сопровождался стычками и захватом аманатов.

В построенном в устье Тауи острожке Стадухин провел около четырех лет, собирая ясак с окрестных жителей и охотясь на соболей. Только летом 1657 года он отправился на запад вдоль побережья и добрался до устья Охоты, где уже был русский острог. Оттуда путь его лежал в Якутск, куда он и прибыл кратчайшим путем через Оймякон и Алдан летом 1659 года. Стадухин составил чертеж своего пути во время морского плавания вдоль побережья Охотского моря.

Так ценой невероятных усилий, жертв и тяжелых трудов завершилось, в основном, открытие русскими казаками и промышленниками всего побережья Охотского моря, кроме западного побережья Камчатки, которое было обследовано уже позже, в самом конце XVII и в начале XVIII века.

Важно было и то, что казаки-первопроходцы обследовали пути на побережье Охотского моря из Якутска и нашли наиболее короткие и удобные. Естественно, сказать о таких путях «удобные» можно было только при сравнении с другими, еще более трудными. Все пути к побережью моря шли по Алдану, притоку Лены, а затем по Мае, притоку Алдана, на которой в середине XVII века поставили Майское зимовье. Оттуда можно было за месяц «осенним путем» проехать налегке на оленях до реки Уди к морю. Всего на проезд от устья Алдана до побережья моря требовалось три месяца.

Другой путь вел вверх по реке Мае до Волочанки. Там начинался Ульский волок, который проходили «грузными нартами», то есть с грузом на нартах, за 8–14 дней и достигали реки Сикши, впадающей в Улью, а затем по Улье спускались к Охотскому морю.

Плавание по Улье было совсем не простым из-за порогов. Казаки сообщали, что «река вельми быстра, и убойных мест на ней много». Так, в 1651 году судно Семена Епишева «бро-сило на камень... среди Ульи реки... только чуть живых бог вынес». Несколько ранее судно Семена Шелковника разбило у Большого Бойца камня. От Майского зимовья до моря можно было по Улье добраться за два месяца.

При освоении побережья Охотского моря казаки и промышленники во второй половине XVII века наиболее часто пользовались путем, ведущим с Май на Охоту. Он шел вверх по Мае до устья реки Юдомы, далее вверх по Юдоме до устья Горбицы. Там начинался волок под названием Юдомский крест, ведущий на реку Блудную, приток реки Урак, или непосредственно на Урак, где находилось «Урацкое плотбище», на котором строились суда. С Урака было два пути: один – волоком на Охоту, и второй – вниз по Ураку до моря, оттуда до устья Охоты было, по подсчету исследователя Сибири XVIII века академика Гмелина, 10–15 верст (до 16 километров).

Длительность пути и трудность перевала через Юдомский крест часто приводили к тому, что путники предпочитали двигаться по более короткому, но не менее трудному сухопутному пути из Якутска через Амгу (Амгинская переправа) и Алдан (Бельская переправа) на Юдомский крест и далее на Урак. С Бельской переправы начинались, по выражению академика Гмелина, «поразительные горы, через которые проехать невозможно на телегах, приходится поклажу перевозить на вьючных лошадях и оленях».

«Вообще о сей дороге объявить можно, что она... столь беспокойна, что труднее проез-жей дороги представить нельзя, – писал в XVIII веке первый исследователь Камчатки академик С. П. Крашенинников, – ибо она лежит или по берегам рек, или по горам лесистым; берега обломками камней или круглым серовиком так усыпаны, что тамошним лошадям довольно надивиться нельзя, как они с камня на камень лепятся». Эту дорогу проходили от Якутска до моря примерно за месяц, и она стала общеупотребительной к началу XVIII века, – ее протя-женность была немногим более 800 верст (то есть более 850 километров). Безусловно, такие тяжелые дороги крайне затрудняли освоение русскими побережья Охотского моря и требовали от казаков и промышленников невероятной затраты энергии и сил для их преодоления.

## Семен Дежнев и Федот Попов Пролив между материками

*Сторона ль моя, сторонушка,  
Сторона незнакомая!  
Что не сам ли я на тебя зашел,  
Что не добрый ли да меня конь завез:  
Завезла меня, доброго молодца,  
Прытость, бодрость молодецкая.*  
(*Старинная казачья песня*)

Когда русские люди добрались до Камчатки? Точно это до сих пор не установлено. Сейчас уже абсолютно ясно, что появление там русских людей произошло в середине XVII века. Об этом свидетельствует многое.

В 1648 году из устья реки Колымы вышли в море семь кочей, на которых следовали на восток к устью реки Анадырь 90 казаков и промышленников. Экспедицию возглавили приказчик московского купца «холмогорец Федот Алексеев Попов и казак Семен Иванов Дежнев» (ныне можно писать, как произносится, через ё: Дежнёв). Достоверно известно, что, по крайней мере, три коча этой экспедиции впервые в истории мореходства вошли в Берингов пролив. В проливе погиб один из трех кочей, а два вышли в Берингово море. Коч Дежнева выбросило на побережье значительно южнее устья Анадыря. А вот судьба третьего коча, на котором находился Федот Попов с женой-якуткой и подобранный с погибшего в проливе коча казак Герасим Анкидинов, точно не известна.

Самое раннее свидетельство о судьбе Федота Алексеева Попова находим в отписке Дежнева воеводе Ивану Акинфову, датированной 1655 годом: «А в прошлом 162 году (1654 году) ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил... у коряков якутскую бабу Федота Алексеева Попова. И та баба сказывала, что де Федот и служилый человек Герасим (Анкидинов) померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою (то есть налегке, без припасов и снаряжения), не знаю де куда».

Попов и Анкидинов погибли, вероятнее всего, на берегу, куда они сами высадились либо куда выбросило коч. Это было где-то значительно южнее устья реки Анадырь, на Олюторском берегу или уже на северо-восточном побережье Камчатки, так как захватить в плен жену-якутку коряки могли только в этих районах побережья.

Первым подробно рассказал о плаваниях Попова и Дежнева через пролив между Азией и Северной Америкой профессор Герард Фридрих Миллер, принимавший участие в исследованиях Академического отряда 2-й Камчатской экспедиции (1733–1743) Витуса Беринга (1-я Камчатская экспедиция Беринга: 1725–1730). Он тщательно изучил документы Якутского воеводского архива и нашел там подлинные отписки и челобитные Дежнева, по которым и восстановил в возможной мере историю этого знаменательного плавания.



Витус Беринг

В 1737 году профессор Миллер написал «Известия о Северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран». В этом сочинении о судьбе Попова сказано следующее:

«Между тем построенные (Дежневым в основанном им Анадырском зимовье) кочи были к тому годны, что лежащие около устья Анадыря реки места проведать можно было, при котором случае Дешнев в 1654 году наехал на имеющиеся у моря коряцкие жилища, из которых все мужики с лутчими своими женами, увидя русских людей, убежали; а протчих баб и ребят оставили; Дешнев нашол между сими якуцкую бабу, которая прежде того жила у вышеобъявленного Федота; и та баба сказала, что Федотово судно разбило близь того места, а сам Федот, поживши там несколько времени, цынгою умер, а товарищи ево иные от коряков убиты, а иные в лодках неведомо куды убежали. Сюды приличествует носящейся между жителями на Камчатке слух, который от всякого, кто там бывал, подтверждается, а именно сказывают, что за много де лет до приезде Володимера Отласова на Камчатку жил там некто Федотов сын на реке Камчатке на устье речки, которая и ныне по нем Федотовкою называется, и прижил де с камчадалкою детей, которые де потом у Пенжинской губы, куды они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышепомянутого Федота Алексеева Попова, который по смерти отца своего, как товарищи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и еще в 1728 году в бытность господина капитана командора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын со своими товарищами жил».



Памятник С. И. Дежневу на родине, в Великом Устюге

Сведения о Федоте Попове привел и известный исследователь Камчатки, также работавший в составе Академического отряда экспедиции Беринга, Степан Петрович Крашенинников (1711–1755). Он путешествовал по Камчатке в 1737–1741 годах и в своем труде «Описание Земли Камчатка» отметил:

«Но кто первый из русских людей был на Камчатке, о том я не имею достоверных сведений и лишь знаю, что молва приписывает это торговому человеку Федоту Алексееву Попову, по имени которого впадающая в реку Камчатку речка Никуля называется Федотовщиной. Рассказывают, будто бы Федот, отправившись на семи кочах по Ледовитому океану из устья реки Ковыми (Колымы), во время бури был заброшен со своим кочем на Камчатку, где перезимовав, на другое лето обогнул Курильскую Лопатку (мыс Лопатка, самый южный мыс Камчатки) и дошел морем до Тигеля (река Тигиль, устье которой – у 58° северной широты; более вероятно, что он мог добраться до устья этой реки с восточного побережья полуострова по суше), где тамошними коряками был убит зимой (видимо, 1649/1650 года) со всеми товарищами. При этом рассказывают, что к убийству сами дали повод, когда один из них другого зарезал, ибо коряки, считавшие людей, владеющих огнестрельным оружием, бессмертными, видя, что они умирать могут, не захотели жить со страшными соседями и всех их (видимо, 17 человек) перебили».

По мнению Крашенинникова, именно Федот Попов первым из русских зимовал на земле Камчатки, первым побывал на ее восточном и западном побережье. Он, ссылаясь на приведенное выше сообщение Дежнева, предполагает, что Попов с товарищами погиб все же не на реке Тигиль, а на побережье между Анадырским и Олюторским заливами, пытаясь пройти к устью реки Анадырь.



Семен Дежнев

Определенным подтверждением пребывания Попова с товарищами или других русских первопроходцев на Камчатке служит и то, что в 1726 году, за четверть века до Крашенинникова, об остатках двух зимовий на реке Федотовщине, поставленных русскими казаками или промышленниками, сообщил первый русский исследователь Северных Курильских островов, бывавший на реке Камчатке с 1703 по 1720 год, есаул Иван Козыревский: «В прошлых годех из Якуцка города на кочах были в Камчатке люди. А которых у них в аманатах сидели, те камчадалы сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и донныне».

Из приведенных разновременных (XVII – XVIII веков) и довольно отличных по смыслу показаний можно все же с большой долей вероятности утверждать, что появились русские первопроходцы на Камчатке в середине XVII века. Возможно, это были не Федот Алексеев Попов с товарищами, не его сын, а другие казаки и промышленники. По этому поводу однозначного мнения у современных историков нет. Но то, что первые русские появились на полуострове Камчатка не позднее начала 1650-х годов, считается несомненным фактом.

Вопрос о первых русских на Камчатке детально исследовал историк Б. П. Полевой. В 1961 году ему удалось обнаружить челобитную казачьего десятника Ивана Меркурьева Рубца (Бакшеева), в которой он упомянул о своем походе «вверх реки Камчатки». Позже изучение архивных документов позволило Б. П. Полевому утверждать, что Рубец и его спутники смогли провести свою зимовку 1662/1663 года в верховьях реки Камчатки. Он относит к Рубцу и его товарищам и сообщение И. Козыревского, о котором упомянуто выше.

В атласе тобольского картографа С. У. Ремезова, работу над которым он закончил в начале 1701 года, на «Чертеже земли Якутцкого города» был изображен полуостров Камчатка, на северо-западном берегу которого у устья реки Воемли (от корякского названия *Уэмлян* – «ломаная»), то есть у современной реки Лесной, было изображено зимовье и рядом дана надпись: «Река Воемля. Тут Федотовское зимовье бывало».

По сообщению Б. П. Полевого, лишь в середине XX века удалось выяснить, что «Федотов сын» – это беглый колымский «казак Леонтий Федотов сын», который бежал на реку Блудную (теперь река Омолон), оттуда перешел на реку Пенжину, где в начале 1660-х годов вместе с промышленником Сероглазом (Шароглазом) некоторое время держал под своим контролем низовье реки. Позже он ушел на западный берег Камчатки и поселился на реке Воемле. Данных о пребывании Леонтия на реке Камчатке Б. П. Полевой не приводит.

Подтверждаются сведения С. П. Крашенинникова о пребывании на Камчатке участника похода Дежнева «Фомы Кочевщика». Оказалось, что в походе Рубца «вверх реки Камчатки» участвовал Фома Семенов Пермь по кличке Медведь, или Старик. Он прибыл с Дежневым на Анадырь в 1648 году, потом неоднократно ходил по Анадырю, с 1652 года занимался добычей моржовой кости на открытой Дежневым Анадырской корге (корга – каменистая мель, мыс). А оттуда осенью 1662 года он пошел с Рубцом на реку Камчатку.

## Владимир Атласов Служба в Анадырском остроге

Известие о лежбищах моржей на побережье южной части Берингова моря было получено впервые от казаков группы Федора Алексеева Чукичева и Ивана Иванова Камчатого. Они ходили на Камчатку из зимовий в верховьях Гижиги через северный перешеек «на другую сторону», с реки Лесной на реку Карагу. В 1661 году вся группа погибла на реке Омолон при возвращении на Колыму. Их убийцы-юкагиры бежали на юг – отсюда, возможно, исходят рассказы об убийстве русских, возвращавшихся с Камчатки, о которых упоминает Крашенинников.

Полуостров Камчатка получил свое название от реки Камчатки, пересекающей его с юго-запада на северо-восток. А название реки, по мнению отечественного историка Б. П. Полевого (и с ним согласны многие ученые), связано с именем енисейского казака Ивана Иванова Камчатого.

В 1658 и 1659 годах Камчатый дважды из зимовья на реке Гижиге проследовал на юг для разведывания новых земель. По Полевому, он, вероятно, прошел западным берегом Камчатки до реки Лесной, впадающей в залив Шелихова у 59°30' северной широты, и по реке Караге достиг Карагинского залива. Там же были собраны сведения о наличии большой реки где-то на юге.

В следующем году из Гижигинского зимовья вышел небольшой отряд (12 человек) во главе с казаком Федором Алексеевым Чукичевым. В этом отряде был и И. И. Камчатый. Отряд перешел на Пенжину и далее – на реку, впоследствии названную Камчаткой. На Гижигу казаки возвратились только в 1661 году.

Любопытно, что по имени Ивана Камчатого одинаковое название *Камчатка* получили две реки: первая в середине 1650-х годов – река в системе реки Индигирки (один из притоков Падерихи; теперь река Бодяриха), вторая в самом конце 1650-х годов – крупнейшая река совсем еще малоизвестного в то время полуострова. А сам этот полуостров стали именовать Камчаткой в 1690-х годах.

На чертеже «Сибирская земля», составленном по указу царя Алексея Михайловича в 1667 году под руководством стольника и тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова, была впервые показана река Камчатка. На этом чертеже не было даже намека на Камчатский полуостров, а река впадала в море на востоке Сибири, между Леной и Амуром, и путь к ней от Лены морем был свободен. В Тобольске в 1672 году составили новый, более подробный чертеж «Сибирские земли». К нему был приложен «Список с чертежа», в котором содержалось указание на Чукотку и впервые упоминались реки Анадырь и Камчатка: «против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал», то есть не только приводилось название реки, но и давались некоторые сведения о рельефе в районе устья. На общем чертеже Сибири, составленном в 1684 году, уже и течение реки Камчатки было указано довольно реалистично. Это могло быть сделано по данным казачьего десятника И. М. Рубца, в 1663–1666 годах служившего приказчиком в Анадырском остроге.

Сведения о реке Камчатке и внутренних районах Камчатского полуострова были известны в Якутске задолго до походов якутского казака Владимира Васильевича Атласова, этого, по словам Александра Сергеевича Пушкина, «камчатского Ермака», который в 1697–1699 годах фактически присоединил полуостров к России.

Об этом свидетельствуют документы Якутской приказной избы за 1685–1686 годы. В них сообщается, что в данное время был раскрыт заговор казаков и служилых людей Якутского острога. Заговорщикам ставилось в вину то, что они хотели «побить до смерти» стольника

и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градских жителей, «животы их пограбить», а также «пограбить» торговых и промышленных людей на гостином дворе.

Кроме того, заговорщиков обвиняли в том, что они хотели захватить в Якутском остроге пороховую и свинцовую казну и «бежать за Нос, на Анадырь и Камчатку реки». Значит, казаки-заговорщики в Якутске уже знали о Камчатке и собирались бежать на полуостров, по-видимому, морским путем: «бежать за Нос», то есть за полуостров Чукотка или восточный мыс Чукотки – мыс Дежнева, а не «за Камень», то есть за хребет – водораздел рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, и рек, текущих в дальневосточные моря.

В последнее десятилетие XVII века казаки-первопроходцы начали активно продвигаться в глубь Камчатского полуострова. В 1691 году из Анадырского острога отправился на юг отряд в составе 57 казаков во главе с якутским казаком Лукой Семеновым Старицыным по прозвищу Морозко и казаком Иваном Васильевым Голыгиным. Пройдя по северо-западному, а может быть, и по северо-восточному побережью Камчатки, к весне 1692 года отряд возвратился в острог.

Вскоре Морозко и Голыгин с 20 казаками вновь направились на юг и, «не дойдя до Камчатки реки один день», повернули на север. На реке Опуке (Апуке), которая берет начало на Олюторском хребте и впадает в Олюторский залив, в местах обитания «оленных» коряков они построили зимовье (первое русское зимовье в этом районе полуострова). В нем для охраны остались два казака и толмач Никита Ворыпаев. С их слов не позднее 1696 года была составлена «скаска», в которой дано первое дошедшее до наших дней сообщение о камчадалах (ительменах):

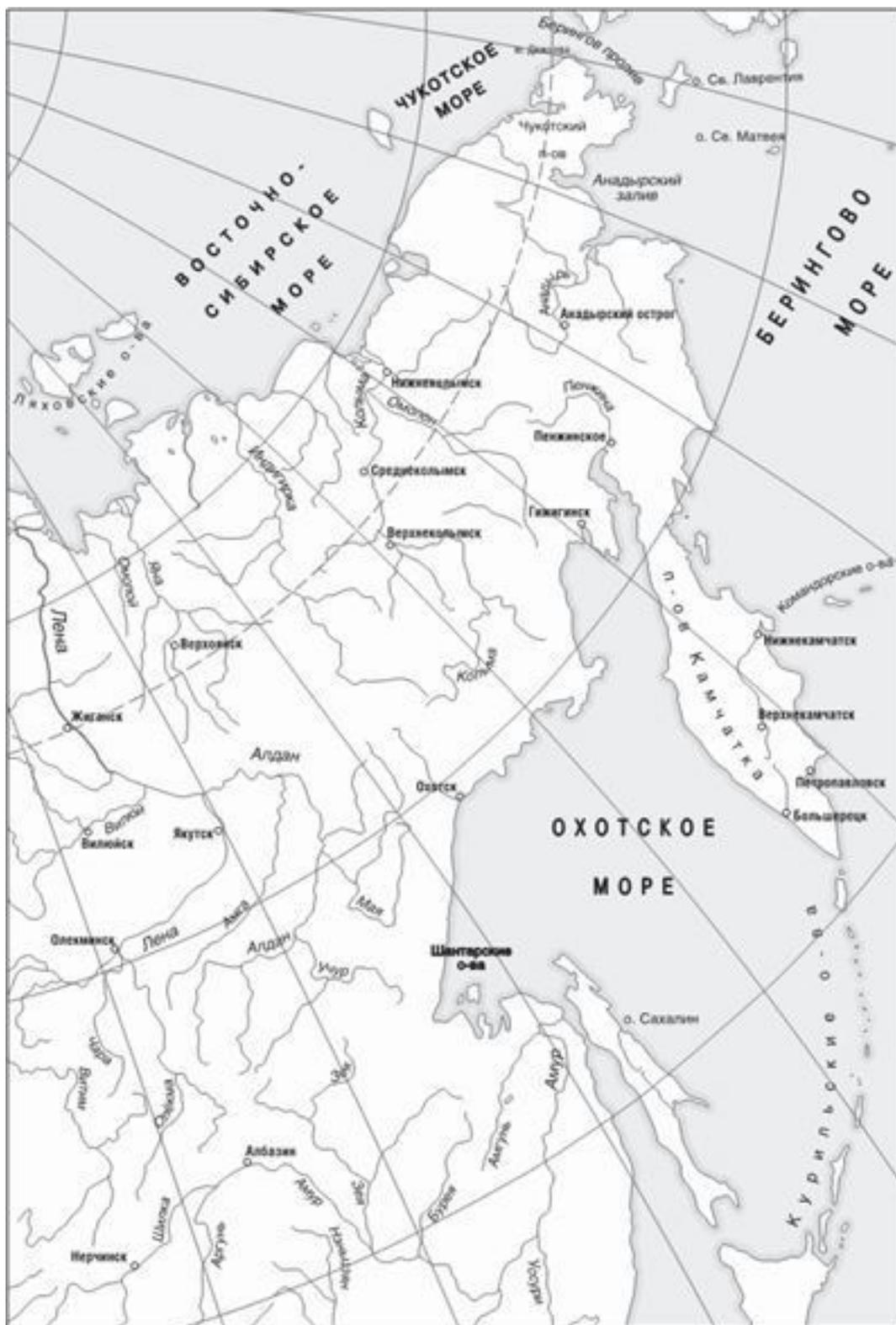
«Железо у них не родится, и руды плавить не умеют. А остроги имеют пространны. А жилища... имеют в тех острогах – зимою в земли, а летом... над теми же зимними юртами наверху на столбах, подобно лабазам... А промежду острогами... ходу дни по два и по три и по пяти и шести дней.

Иноземцы оленные (коряки) называются, у коих олени есть. А у которых олени нет, и те называются иноземцы сидячи... Оленные же честнейши почитаются».

В 1695 году в Анадырский острог прибыл с сотней казаков из Якутска новый приказчик (начальник острога) – пятидесятник Владимир Васильевич Атласов. В следующем году он направил на юг к приморским корякам отряд из 16 человек под командой Луки Морозко, который проник на полуостров Камчатка до реки Тигиль, где обнаружил первый поселок камчадалов. Именно там Морозко увидел неведомые японские письма (видимо, попали туда с японского судна, прибитого штормом к камчатским берегам), собрал сведения о Камчатском полуострове, протянувшемся далеко на юг, и о гряде островов южнее полуострова, то есть о Курильских островах.



Владимир Атласов



Северо-восточная часть Азии

В начале зимы 1697 года в поход отправился на оленях отряд из 120 человек, во главе которого был сам В. В. Атласов. Отряд состоял наполовину из русских, наполовину из юкагиров. Атласов прошел по восточному берегу Пенжинской губы до 60° северной широты, а затем повернул на восток и через горы добрался до устья одной из рек, впадающих в Олюторский залив Берингова моря.

Затем Атласов послал небольшой отряд на юг, вдоль восточного побережья полуострова. Сохранилось сообщение С. П. Крашенинникова о том, что командовал этим отрядом Лука Морозко, что, однако, представляется неверным. Морозко в это время был в Анадырском остроге – после ухода Атласова в поход оставался за него там приказчиком. В походе Атласова могли участвовать оставленные Лукой на Камчатке казаки и толмач Никита Воряпаев, а не он сам.

Атласов с основным отрядом возвратился на побережье Охотского моря и прошел вдоль западного берега Камчатки. Но в это время часть юкагигов отряда восстала: «На Палане реке великому государю изменили, и за ним Володимером (Атласовым) пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его Володимера во шти (шести) местех ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили». Атласов с казаками, выбрав удобное место, «сел в осад». Он послал верного юкагира известить посланный на юг отряд о случившемся. «И те служилые люди к нам пришли и из осады выручили», – сообщал он впоследствии.

Далее отряд двинулся вверх по реке Тигиль до Срединного хребта, переправился через него и в июне – июле 1697 года вышел к устью реки Кануч (Чаныч), впадающей в реку Камчатку. Там был водружен крест с надписью: «В 205 году (1697 году) июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи», сохранившийся до прихода в эти места через 40 лет С. П. Крашенинникова.



*Камчатка в хороших платьях.  
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.  
Une Kamtschadale en habit de fête.*

### Камчадал (Старинная гравюра)



### Камчадалка (Старинный рисунок)

Оставив здесь своих оленей, Атласов со служивыми и с ясачными юкагирами и камчадалами «сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ, и плыли три дни», объясачивая местных камчадалов. Послав разведчика к устью реки Камчатки, Атласов убедился в том, что долина реки была сравнительно густо заселена – на участке длиной около 150 километров находилось до 160 камчадалских селений, в каждом из которых проживало до 200 человек.

По побережью Охотского моря Атласов добрался до реки Ичи и продвинулся еще далее к югу. Ученые полагают, что Атласов доходил до реки Нынгучу, переименованной в реку Голыгину в память о потерявшемся там казаке; устье реки Голыгиной – на 52° северной широты, рядом с устьем реки Опалы. До южной оконечности Камчатки оставалось всего около 100 километров. На Опале жили камчадалы, а на реке Голыгиной русские встретили первых «курильских мужиков – шесть острогов, а людей в них многое число». Курилы, жившие на юге Камчатки, – это айны, обитатели Курильских островов, смешавшиеся с камчадалами. Так что именно реку Голыгину имел в виду сам Атласов, сообщая: «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть».



Курильские айны (Старинный рисунок)

С реки Голыгиной Атласов мог видеть остров Алаид; теперь это остров Атласова, на нем – вулкан Алаид, самый высокий на Курильских островах (2 330 метров).

Вернувшись на реку Ичу и поставив там зимовье, начальник отправил на реку Камчатку, в заложенный там, в верховьях, Верхнекамчатский острог, отряд из 15 служилых людей и 13 юкагиров во главе с казаком Потапом Сердюковым. Им предстояло провести в этом остроге три года.

Оставшиеся с Атласовым «подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Иги реки итти в Анадырский острог, потому что у них порошу и свинцу нет, служить не с чем». И 2 июля 1699 года отряд Атласова возвратился на Анадырь, а позднее весной 1700 года он добрался с ясаком до Якутска.

Любопытно, что среди мехов, собранных Атласовым, было и 10 шкур каланов (морских бобров), до того не известных русским. По снятии с него допросов-«скасок» Атласов выехал в Москву. В Тобольске со «скасками» Атласова познакомился сын боярский, известный сибир-

ский картограф Семен Ульянович Ремезов. Историки считают, что картограф встречался с Атласовым и с его помощью составил один из первых детальных чертежей полуострова Камчатка.

В феврале 1701 года в Москве Атласов представил в Сибирский приказ свои «скаска», которые содержали первые сведения о рельефе и климате Камчатки, о ее флоре и фауне, о морях, омывающих полуостров, и их ледовом режиме и, естественно, массу сведений о коренных жителях полуострова. Именно Атласов сообщил некоторые сведения о Курильских островах и Японии, собранные им у курилов, жителей южной части полуострова.

Атласов описал местных жителей, с которыми встречался во время похода по полуострову:

«А на Пенжине живут коряки пустобородые (то есть безбородые), лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья – шеманы (то есть шаманы): вышеманят о чем им надобно, бьют в бубны и кричат.

Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу, и всякого зверя, и нерпу. А юрты у них олени и ровдушные (замшевые, выделяемые из оленьих шкур).

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобные остяцким юртам (остяками называли ранее хантов).

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы возрастом (то есть ростом) невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян (коми). Одежду носят соболью, и лисью, и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три (примерно 6,4 метра), намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2, и по 3, и по 4.

А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, а та рыба изноет (сгниет), и тое рыбу, вынимая, кладут в колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно. А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под каким государством тот остров, того не ведают».

Академик Л. С. Берг полагал, что речь шла, «очевидно, о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а эти привозили ее в Южную Камчатку».



Поселок камчадалов (Старинная гравюра)



Езда на собаках (Старинная гравюра)

Атласов сообщил о наличии у камчадалов больших байдар длиной до шести сажень (около 13 метров) и шириной полторы сажени (3,2 метра), вмещавших по 20–40 человек. Отметил он особенности их родового строя, специфику хозяйственной деятельности:

«Державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче, того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся... а жен имеют всяк по своей мочи – по одной, и по 2, и по 3, и по 4. <...> А скота никакова у них нет, только одни собаки, вели-

чиною против здешних (то есть одинаковы со здешними, в Якутске), только мохнаты гораздо, шерсть на них длиною в четверть аршина (около 18 сантиметров). <...> А соболей промышляют кулемами (особыми ловушками) у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревьях стреляют».

Вот как Атласов оценивал возможность организации хлебопашества в регионе, перспективы торгового обмена с камчадалами и боевые способности местных жителей:

«А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают. <...> А товары к ним надобны: адекуй лазоревый (голубой бисер)... железо, ножи, и топоры, и пальмы (широкие железные ножи), потому что у них железо не родится. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие (видимо, морские бобры), выдры. ...Огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми... и против огненного ружья стоять не могут, бегут назад. И на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде. А ружья у них – луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится».

Значительное внимание в своем отчете Атласов уделил природе Камчатки, ее вулканам, флоре, фауне, климату. О последнем он сообщил:

«А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах (то есть на юге полуострова) снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго, против Якуцкого близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает».

Именно Атласов сообщил впервые о двух крупнейших вулканах Камчатки – Ключевской Сопке и Толбачике, да и вообще о камчатских вулканах:

«А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора, подобна хлебному скирду, велика и гораздо высока, а другая близ ее ж подобна сенному стогу и высока гораздо, из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы, буде человек взойдет до половины той горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям учинилось – не ведают».

Описывая леса на Камчатке, Атласов отмечал: «А деревья растут – кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник». Перечислил он и встречающиеся там ягоды: «А в Камчатской и в Курильской земле ягоды – брусница, черемха, жимолость – величиною меньше изюму и сладка против изюму».

Поражает его наблюдательность и дотошность при описании ягод, трав, кустарников, зверей, неизвестных ранее русским. Например: «А есть трава, иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожицу счищают, а середину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела, и тое траву едят, вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка, что сахар». Из сладкой травы агататка местные жители добывали сахар, а казаки приспособились впоследствии гнать из нее вино.

Атласов подчеркнул наличие у берегов Камчатки важных для промысла морских зверей и красной рыбы: «А в море бывают киты великие, нерпы, каланы, и те каланы выходят на берег на большой воде, а как вода убудет, и каланы остаются на земле, и их копыями бьют и по носу палками бьют, а бежать те каланы и не могут, потому что ноги у них самые малые, а берега дресвяные, крепкие (из мелких камней с острыми краями)».

Особо он отметил ход на нерест рыб из породы лососевых: «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породю особая, походит она на семгу, и летом красна, а величиною

больши семги, а иноземцы (камчадалы) ее называют овечиною (чавыча), и иных рыб много – 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много, и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь – соболи, лисицы, выдры».

Атласов сообщил, что на Камчатке, особенно в южной части полуострова, видел множество птиц. В его «скасках» говорится и о сезонных перелетах камчатских пернатых: «А летом те птицы отлетают, а остается их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди, и громы большие, и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень». Казак так точно описал флору и фауну Камчатки, что впоследствии ученые легко установили научные наименования всех отмеченных им видов растений и животных.

В завершение приведем меткую и емкую характеристику «камчатского Ермака», которую ему дал академик Л. С. Берг:

«Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII века, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов. А о моральном облике Атласова можно судить по следующему. Пожалованный после покорения Камчатки (1697–1699 годы) в награду казачьим головой и посланный снова на Камчатку для довершения своего предприятия, он, на пути из Москвы в Камчатку, решился на крайне предерзостное дело: будучи в августе 1701 года на реке Верхней Тунгуске, он разграбил следовавшие на судах купеческие товары. За это, несмотря на заслуги, был посажен после пытки в тюрьму, где просидел до 1707 года, когда прощен и снова отправлен приказчиком на Камчатку. Здесь во время восстания казаков в 1711 году убит».

Так трагически закончилась жизнь этого незаурядного человека, присоединившего к Российской державе Камчатку, равную по площади нескольким вместе взятым западноевропейским странам.

## Степан Крашенинников Первое описание Камчатки

*По распространению российского владения на севере и по заведению селения по знатнейшим рекам, впадающим в Ледовитое море от Лены реки к востоку до Анадырска, час от часу более старания было прилагается, чтоб от Анадырска далее проведовать землю.*  
(Степан Крашенинников)

4 октября 1737 года из Охотска вышло в море судно «Фортуна», в числе пассажиров которого был студент Академии наук в Санкт-Петербурге Степан Крашенинников. Судно следовало на Камчатку, в Большерецкий острог (на месте этого острога в начале XX века было основано существующее сегодня село Усть-Большерецк). Вскоре после выхода в море корпус судна дал течь. Как вспоминал позже студент, «судно вода одолела... И хотя в два насоса и в несколько больших котлов ее выливали, однако ж тем ее вылить не могли, чего ради все, что было на палубах, также и из судна груз около четырех сот пуд в море сметали, и так едва спаслися, а особливо, что в то время штиль был, а ежели бы хотя малое волнение было, то бы судну никоим образом от потопления избавиться невозможно было».

Студент лишился суммы с писчей бумагой и частью семян, которые собирался посеять в Камчатскую землю, одиннадцати сум с провизией и чемодана с бельем.

«И больше у меня не осталось, как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была», – писал он после пережитого своим научным руководителям.

Через 10 суток плавания судно подошло к устью реки Большой, где было выброшено на берег и разбито. Только 22 октября добрался Степан Крашенинников на бате, лодке местной постройки, до Большерецка (до Большерецкого острога). Так драматически начались почти четырехлетние исследования Крашенинниковым Камчатской земли и населявших ее народов.

Степан Петрович Крашенинников родился в Москве, в семье солдата гвардейского Преображенского полка. В 1724 году 13-летним подростком он начал учиться в Московской Заиконоспасской школе (Славяно-греко-латинской академии), куда через семь лет поступил и Михаил Ломоносов, скрыв свое крестьянское происхождение. Крашенинников получил хорошее знание латинского и греческого языков, а также общеобразовательную подготовку гуманитарного направления. В конце 1732 года по указу Правительствующего Сената он был определен в числе других 12 выпускников школы студентом в Академию наук.

Уже в августе 1733 года Степана и еще пятерых студентов включили в состав Академического отряда грандиозной Великой северной экспедиции (2-й Камчатской экспедиции) под общим руководством капитан-командора Витуса Беринга. Возглавили Академический отряд профессора-академики – историк Герард Фридрих Миллер и натуралист Иоганн Георг Гмелин-старший.

Степан Крашенинников был прикомандирован к Гмелину и в 1733–1737 годах путешествовал с ним по Сибири. За эти годы он напряженно учился географии и натуральной истории. Видимо, молодой человек сильно выделялся среди других прикомандированных к экспедиции студентов своим серьезным отношением к учебе и желанием расширить свой багаж знаний по естественным наукам.



И. Г. Гмелин



Г. Ф. Миллер

По крайней мере, М. В. Ломоносов, вспоминая о воспитанниках Славяно-греко-латинской академии, отметил: «...Взяты были из Московских Заиконоспасских школ 12 человек школьников в Академию наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников... оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худова присмотру все испортились».

Успехи Крашенинникова в овладении новыми знаниями привели к тому, что руководители Академического отряда именно его отправили для всестороннего научного исследования Камчатского полуострова и населявших его народов; проезд на Камчатку самих академиков так и не состоялся.

На Камчатке Крашенинников собрал значительное количество сведений по географии, ботанике, зоологии, ихтиологии, этнографии, истории и лингвистике. А ведь у него было лишь несколько помощников из числа солдат и казаков, не имевших, конечно, никакой научной подготовки. Впечатляют маршруты его путешествий по полуострову. В 1738 году он дважды пересек южную часть полуострова. В январе молодой исследователь в долине реки Бааню (теперь река Банная), относящейся к бассейну реки Большой, обнаружил и впервые описал камчатские гейзеры: «Ключи, которые находятся при речке Бааню... бьют по обеим сторонам объявленной речки. Между ключами, которые на южном берегу находятся, примечательно достойно местечко... там бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьет вверх аршина на два (примерно на 1,5 метра) с великим шумом». В марте Крашенинников изучал долину реки Пауджи, левый приток реки Озерной, где также обнаружил гей-

зеры. «Ключи бьют во многих местах, как фонтаны, – отмечал он, – по большей части с великим шумом, в вышину на один и на полтора фута (до полуметра). Некоторые стоят, как озера, в великих ямах, а из них текут маленькие ручейки, которые, соединяясь друг с другом, всю помянутую площадь как на острова разделяют, и нарочитыми речками впадают в означенную Пауджу».

В том же году Крашенинников обследовал действующий вулкан Авачинскую Сопку (казаки называли все действующие вулканы «горелыми сопками»), впервые отметил характерное строение высоких камчатских вулканов: «Авачинская гора стоит на северной стороне Авачинской губы, в немалом от нее расстоянии, но подножье ее до самой почти губы простирается: ибо все высокие горы с подошвы до половины вышины своей или более состоят из гор, рядами расположенных, из которых ряд ряда выше, а верх их шатром бывает. Горы, расположенные рядами, лесисты: а самый шатер голой и по большей части снегом покрытой камень». Кроме того, Крашенинников осмотрел юго-западное побережье Камчатки, не дойдя около 60 километров до мыса Лопатка. Расположенное на юге полуострова Курильское озеро и мыс Лопатка посетил один из его помощников, служилый человек Степан Плишкин.

Крашенинников собрал сведения о цунами и впервые подробно описал это явление, которое обрушилось на камчатские берега незадолго до его прибытия на полуостров:



Авачинская Сопка (Старинная гравюра)

«После того, как около (реки) Авачи также на Курильской лопатке (самая южная оконечность полуострова) и на островах было страшное земли трясение с чрезвычайным наводнением, которое следующим образом происходило: октября 6 числа помянутого 1737 года пополуночи в третьем часу началось трясение, и с четверть часа продолжалось волнами так сильно, что многие камчатские юрты обвалились и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилось на берега воды в вышину сажени на три (6,4 метра), которая ни мало не стояв, збежала в море и удалилась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлитии столь далеко она збежала, что моря видеть невозможно было».

Он отметил, что в тот раз высота волны цунами на побережье первого и второго Курильских островов достигала 30 сажен (около 64 метров). О силе этого землетрясения свидетельствуют и повторные толчки. Крашенинников 14 октября впервые попал на камчатское побережье в районе устья реки Большой, и в тот день «довольно могли чувствовать трясение, которое случилось временем столь велико, что на ногах стоять было не без трудности».

В ноябре 1738 – апреле 1739 года Крашенинников прошел от устья реки Большой по западному берегу Камчатки до 54°30′ северной широты, по долине реки Колпаковой поднялся до Срединного хребта, перевалил его, дошел до верховья реки Камчатки и по ней спустился до устья, то есть пересек полуостров в третий раз в северо-восточном направлении. Затем он осмотрел восточный берег до Авачинской бухты, пересек полуостров в четвертый раз и возвратился в Большерецкий острог.

В августе 1739 – марте 1740 года Крашенинников в пятый раз пересек полуостров, пройдя от Большерецка до Нижнекамчатска, и обследовал северо-восточное побережье до устья реки Караги (против острова Карагинского). Затем он перебрался на западное побережье (шестое пересечение полуострова) и обследовал его в южном направлении от реки Лесной до реки Тигиль. После этого он в седьмой раз пересек полуостров в юго-восточном направлении и добрался до Нижнекамчатска. В Большерецк исследователь вернулся по долине реки Камчатки, пересекая полуостров в восьмой раз.

В конце 1740 года Крашенинников вновь прошел путь от Большерецка до Нижнекамчатска (девятое пересечение), а в феврале – марте 1741 года он из Нижнекамчатска поднялся по реке до Верхнекамчатска, вышел к побережью Охотского моря (у 55° северной широты), завершив десятое пересечение, и обследовал берег в южном направлении до Большерецка.

Долгое хождение по полуострову позволило Крашенинникову правильно охарактеризовать его рельеф:

«Камчатский мыс (полуостров) по большей части горист. Горы от южного конца к северу непрерывным хребтом простираются и почти на две равные части разделяют землю (Срединный хребет длиной 1 200 километров; Крашенинников проследил приблизительно 3/4 его протяженности); а от них другие горы к обоим морям лежат хребтами ж, между которыми реки имеют течение. Низменные места находятся токмо около моря, где горы от онога в отдалении, и по широким долинам, где между хребтами знатное расстояние. Хребты, простирающиеся к востоку и западу, во многих местах выдались в море на немалое расстояние, чего ради и называются носами: но больше таких носов на восточном берегу, нежели на западном».

Крашенинников описал четыре восточных камчатских носа (полуострова) – Шипунский, Кроноцкий, Камчатский и Озерный, а также образуемые ими заливы – Кроноцкий, Камчатский и Озерный. Велики его заслуги в описании рек (в первую очередь самой большой реки – Камчатки; протяженность 758 километров), ряда озер (Нерпичье, Кроноцкое и др.). При описании устья реки Камчатки особо были отмечены места для безопасной стоянки морских судов, приметные знаки-маяки на берегу, возможное расположение казарм для моряков. Он лично исследовал почти все самые высокие «горелые сопки» – Авачинскую, Корякскую, Кроноцкую, вулкан Толбачик (высоты соответственно: 2 741, 3 456, 3 528, 3 682 метра) и величайший действующий вулкан Евразии – Ключевскую Сопку (4 750 метров). О значительности его деятельности свидетельствует уже то, что общая длина обследованного им камчатского побережья – более 1 700 километров, а протяженность внутренних маршрутов по полуострову – более 3 500 километров.



Извержение Толбачика (Старинная гравюра)

Крашенинников описал богатства недр Камчатки, указал на возможность наличия там медных и железных руд, обратил внимание на месторождения охры, отметил, что в горах есть вишневый хрусталь и «великими кусками флюкс цветом, как стекло плохое зеленое, из которого жители преже сего делали ножи, топоры, ланцеты и стрелы». Флюкс – это обсидиан, вулканическое стекло; кроме него камчадалы использовали яшму для изготовления ножей и прочего. Крашенинников обнаружил на Камчатке даже янтарь: «При сем надлежит упомянуть о янтаре, которого по Пенжинскому морю (по побережью Охотского моря) много збирают, особливо же около реки Тигиля и далее к северу, которого я достал там целый мешочек и отправил с прочими натуральными вещами (в качестве экспонатов Кунсткамеры)».

В своей книге Крашенинников описал растительный и животный мир полуострова. Говоря о камчатской флоре, он выделил деревья, кустарники и злаки, которые имеют хозяйственное значение. Вот, например, «сарана, которая вместо круп служит. По роду своему принадлежит она к лилеям – *Lilium flore atrorubente*, но сего виду нигде в свете, кроме Камчатки и Охотска, не примечено... Цветет в половине июля, и в то время за великим ее множеством издали не видно на полях никаких других цветов. Камчатские бабы и казачьи жены корень сей травы копают в осеннее время, но больше вынимают из мышьих нор и, высуша на солнце, в кашу, в пироги и в толкуши употребляют, а за излишеством продают пуд от четырех до шести рублей. Пареная сарана и с морошкой, голубелью или с другими ягодами вместе столченная может почесться на Камчатке за первое и приятнейшее кушанье: ибо оно и сладко, и кисло, и питательно так, что ежели бы можно было употреблять ежедневно, то б недостаток в хлебе почти был нечувствителен.

С. П. Крашенинников

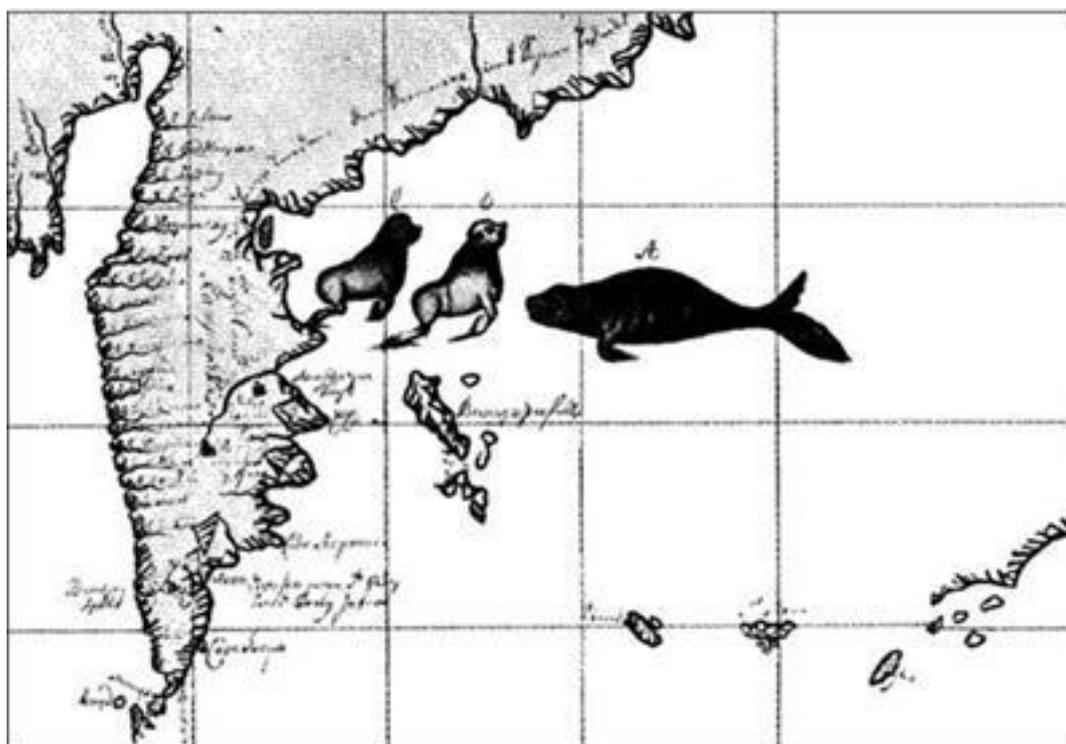
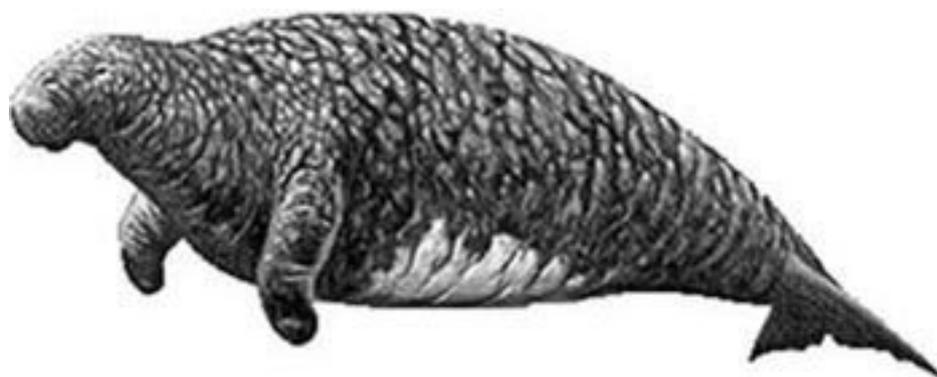


<...>

Сладкая трава *Spondylium* (борщевик *Heracleum spondylium*, из зонтичных) в тамошней экономии за столь же важную вещь, как и сарана, почитается: ибо камчадалы употребляют оную не токмо в конфекты, в прихлебки и в разные толкуши, но и во всех суеверных своих церемониях без ней обойтись не могут: а российскими людьми почти с самого вступления в ту страну проведено, что из ней и вино родится: и ныне там другого вина, кроме травяного, из казны не продается».

Рассказал Крашенинников и об изготовлении нитей из крапивы, о хозяйственном использовании водорослей и о многом другом.

Подробно описана им фауна Камчатки, в первую очередь пушное богатство: лисицы, соболи, песцы, горностаи, росомахи, медведи, волки, зайцы, дикие бараны, олени дикие и прирученные. Сообщил он подробно о способах промысла ценных пушных зверей и об использовании шкур и мяса диких животных, о большом значении для местных жителей камчатских собак – типичных ездовых лаек, главных тягловых животных на полуострове. Учитывая важную роль морского промысла в жизни камчадалов, он посвятил целую главу морским млекопитающим – тюленям, сивучам (морским львам), морским котам (котикам), морским выдрам (каланам), морским коровам (последние впервые описаны адъюнктом Академии наук натуралистом Георгом Стеллером).



Морская корова (ламантин)  
Внизу – фрагмент карты Г. В. Стеллера  
(Часть страницы из книги)

По поводу морских коров следует заметить, что эти удивительные животные, обитавшие у берегов Командорских островов, были полностью выбиты промышленниками уже в 50–60-х годах XVIII века. При весе отдельных животных до 200 пудов (3,2 тонны), «мясо их хотя не скоро уваривается, однако приятно и много на говяжье походит. Жир у молодых трудно распознать со свиным, а мясо с телятиной, которое и скоро варится, и весьма накипчиво, так что вареное мясо вдвое занимает места против сырого».

Много подробностей у Крашенинникова касалось поведения морских животных и способов охоты на них. При описании морских коров, например, он отмечал:

«Особливого примечания достойна любовь между самцом и самкою: ибо самец по тщетном употреблении всех способов к освобождению влекомой самки, и будучи бит, до берегу за нею следует, и иногда как стрела к ней уже к мертвой приплывает нечаянно, но и на другой, и на третий день поутру заставляли самца над телом убитой сидящего».

Крашенинников описал поведение китов и способы охоты на них у различных народов Северо-Восточной Азии, рассказывает о ловле и использовании акул, скатов, трески, камбалы

и других рыб. И естественно, он не оставил без внимания «главное довольство камчатских обывателей» – красную рыбу: проходные лососевые, «которые летним временем порунно (стайами) ходят из моря в реки: ибо из них делают они юколу, которую вместо хлеба употребляют; из них порсу, из которой пекут пироги, алады, блины и караваи; из них жир варят, которым довольствуются вместо коровья масла: из них делают клей на домовые нужды, и другие потребности». Речь идет о чавыче, нерке, кете (юкола из которой называлась «ржаным хлебом»), горбуше, кижуче, семге и др.

Можно много говорить о точности и достоверности наблюдений Крашенинникова. Приведем один характерный пример. В 1739 году, путешествуя по восточному побережью Камчатки, он отметил местонахождение пихты. Поньше пихта на полуострове известна только там, где ее обнаружил Крашенинников, – в бухте Семячик.

Молодой ученый искренне восхищался мастерством туземных умельцев:

«Но как они без железных инструментов могли все делать, строить, рубить, долбить, резать, шить, огонь доставать, как могли в деревянной посуде есть, варить, и что им служило вместо металлов, о том, как о деле не всякому знаемом, упомянуть здесь не непристойно, тем наипаче, что сии средства не разумной или ученой народ вымыслил, но дикой, грубой, трех перечесть не умеющий. Столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни!»

Некоторые изделия камчатских мастеров поразили его красотой и изяществом исполнения:

«Из всей работы сих диких народов, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто делают, ничто мне так не было удивительно, как цепь из моржовой кости, которая привезена на боту “Гаврииле” из Чукотского носу. Она состояла из колец, гладкостию подобных точеным, и из одного зуба была зделана; верхние кольца были у нее больше, нижние меньше, а длиною была она немного меньше полуаршина (меньше 35–36 сантиметров). Я могу смело сказать, что по чистоте работы и по искусству никто б не почел оную за труды дикого чукчи и за деланную каменным инструментом, но за точеную подлинно».

В своем главном труде Крашенинников рассказал обо всех видах хозяйственных работ камчадалов, точно обрисовал мужское и женское одеяния, а также камчатские блюда и напитки; в отдельной главе поведал о езде на собаках, об устройстве нарт и лыж-снегоступов, о военном снаряжении.

Крупнейшей научной заслугой С. П. Крашенинникова явилось и то, что он зафиксировал ценный для этнографов и историков материал, касавшийся представлений камчадалов о богах и духах, о сотворении земли, людей и зверей, а также о деятельности первобытных шаманов, о праздниках и обычаях.

Ученый изложил историю открытия и освоения Камчатки русскими. Он отметил важнейшие перемены в быту и обычаях камчадалов, произошедшие из-за контактов с русскими:



Оленные чукчи (Старинный рисунок)

«Токмо ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. Во всяком остроге определен начальник, который тойон называется и которому по высочайшему Ее императорского величества указу поручены суд и расправа над подчиненными, кроме криминальных дел. Во многих местах не токмо у тойонов, но и у простых людей

построены избы и горницы по российскому обыкновению, а инде и часовни для молитвы. Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих».

Постепенно камчадалы все более употребляли железную и медную посуду. Входила в их быт и русская одежда, особенно быстро у женщин. В свою очередь, казаки на Камчатке спешили перенимать опыт камчадалов по ведению хозяйства в условиях камчатской природы. Крашенинников выступал как сторонник сближения русских и ительменов. Он с одобрением писал о браках между казаками и местными женщинами. Быстрому сближению русских с коренным населением способствовало то, что дети от смешанных браков становились полноправными казаками, на которых распространялись все права и обязанности, связанные с казачьей службой.

Крашенинников являлся горячим сторонником дальнейшего освоения Камчатки. Он прекрасно понимал ее значение для укрепления позиций Российской империи на Дальнем Востоке, верно оценивал все преимущества и недостатки Камчатской земли в части проживания там, ведения земледелия и животноводства, развития торговли с другими дальневосточными странами:

«О состоянии Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ее больше, или важнее преимущества. Что она безхлебное место, не скотное, что великим опасностям от частых земли трясений и наводнений подвержено, что большая часть времени проходит там в беспокойных погодах, и что, напоследок, одно почти там увеселение – смотреть на превысокие и нetaющие, снегом покрытые горы или, живучи при море, слушать шуму морского волнения и, глядя на разных морских животных, примечать нравы их и взаимную вражду и дружбу: то кажется, что она страна больше к обитанию зверей, нежели людей способна.

Но ежели напротив того взять в рассуждение, что там здоровой воздух и воды, что нет беспокойства от летнего жару и зимнего холоду, нет никаких опасных болезней, как, например, моровой язвы, горячки, лихорадки, оспы и им подобных; нет страху от грома и молнии, и нет опасности от ядовитых животных, то должно признаться, что она к житию человеческому не менее удобна, как и страны всем изобильные, что которые по большей части объявленным болезням или опасностям подвержены, особливо же, что некоторые недостатки ее со временем награждены быть могут: а имянно оскудение в хлебе заведением пашни, чему по премудрому Ее императорского величества всемилостивейшия государыни нашей благоизволению давно уже начало положено, и отправлено туда несколько семей крестьян с довольным числом лошадей, рогатого скота и всяких принадлежащих к пашне потребностей.

О скором размножении скота по удобности и довольному корму тамошних мест нет никакого сомнения: ибо еще в бытность мою на Камчатке несколько рогатого скота в Большерецком остроге было, которой от завезенной туда в 1733 году покойным господином маеором Павлуцким одной пары размножился.

Ежели же возобновится хотя малая коммерция с езовскими жителями (жителями острова Хоккайдо) или с приморскими странами китайского владения, к чему она страна по своему положению весьма способна, то и во всем, что принадлежит к довольному человеческому содержанию, не будет иметь оскудения. Лесу на строение судов как на Камчатке, так и в Охоцке довольно; мяхкой рухляди (ценных мехов), тюленьих кож, гарна, то есть оленьих кож деланных (выделанных) и неделанных, рыбы сушеной, китового и нерпичья жиру, похожих у тамошних народов товаров достанет к отправлению купечества. Пристаней, где стоять судам, немало, в том числе Петропавловская, такого состояния, что в рассуждении пространства ее, глубины, натурального укрепления и прикрытия от всех ветров трудно сыскать подобную ей в свете.

Что же касается до опасности от трясения земли и наводнения, то сей недостаток и в других многих землях примечается, которые однако ж для того не почитаются неспособными к обитанию».

Необходимо подчеркнуть, что вся научная работа была проделана Крашенинниковым в довольно сложных условиях. Ему пришлось быть предельно настойчивым в общении с камчатскими чиновниками, чтобы добиться от них содействия проводимым им исследованиям. Жизнь в отдаленной провинции России была суровой. Крашенинникова зачислили на хлебное довольствие, но жалованья не платили два года, так как не поступил приказ об этом из Охотска. Только с прибытием на Камчатку адъюнкта Г. В. Стеллера он получил жалованье за два года, но его сняли с хлебного довольствия. И это еще не самое тяжелое проявление чиновничьего произвола по отношению к нему.

Крашенинников покинул Камчатку в июне 1741 года и в конце 1742 года прибыл в Петербург. За 10 лет, прошедших со времени отъезда из столицы в Сибирь, Крашенинников сформировался как опытный исследователь дальних областей России, способный собирать и анализировать материалы естественно-научного и гуманитарного направления. В 1745 году он был произведен в адъюнкты Академии наук, а через пять лет утвержден профессором натуральной истории и ботаники, назначен членом Академического и Исторического собраний Академии наук, то есть стал академиком.

Сразу после возвращения в Петербург Крашенинников начал работу над обобщающим описанием Камчатки. Первая редакция этого научного труда была им завершена, видимо, к началу 1751 года; 1 марта 1751 года было вынесено специальное решение: дополнить сей труд некоторыми фактами из «Описания Камчатки» адъюнкта Стеллера.



Памятник на могиле В. Беринга  
(Остров Беринга группы Командорских островов в Беринговом море)



Корабль В. Беринга «Святой Петр»

Георг Вильгельм Стеллер, зоолог и врач, в сентябре 1740 года прибыл на Камчатку, а в июне 1741 года вместе с Витусом Берингом отправился на пакетботе «Святой Петр» в плавание к берегам Северной Америки. Во время вынужденной зимовки Беринг умер. Стеллер возвратился на Камчатку с уцелевшими моряками в августе 1742 года, а в 1743 году прибыл в Охотск. В 1744 году он закончил свое исследование «Описание Земли Камчатки, ее обитателей, их нравов, имен, образа жизни и различных обычаев». (Сегодня в научной среде можно услышать утверждение, что это исследование сильно уступает работе на ту же тему С. П. Крашенинникова.) В 1746 году на пути в Петербург, в Тюмени, адъютант Стеллер скончался «от горячки».

В августе 1751 года Крашенинников сообщил о завершении работы над новой редакцией первых двух частей своего труда:



Восточная часть Иркутской губернии (Фрагмент карты XVIII в.)

«Велено мне камчатское мое описание снести с описанием покойного адъютанта Стеллера, и чего в моем описании не найдется, то взять мне из помянутого Стеллерова описания и внести в текст или в примечания с объявлением авторова имени. И во исполнение объявленного ордера приведено мною к окончанию две части камчатского описания с прибавлением Стеллеровых примечаний и с объявлением его имени, которые при сем прилагаю и покорнейше прошу, чтоб оные, кому надлежит, посланы были для рассмотрения».

В апреле 1752 года Крашенинниковым была представлена третья часть научного труда, а в марте 1753 года – четвертая, завершающая часть. В феврале 1755 года, когда последний лист его главной работы был отпечатан, на 43-м году жизни он скончался.

Книга С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» была переведена на многие европейские языки; в 1764 году ее издали на английском языке, в 1766 году – на немецком, в 1767 году – на французском, в 1770 году – на голландском. Эта книга, признанная лучшим в XVIII веке «страноведческим описанием малоизвестной земли», стала мировым образцом для нескольких поколений географов.

«Нестором русской этнографии» назвал академика Степана Крашенинникова крупный русский этнограф и антрополог Л. Я. Штернберг. О незаурядной личности Крашенинникова проникновенно сказал в предисловии к «Описанию Земли Камчатки» академик Г. Ф. Миллер: «Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуной благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия».

## Иван Козыревский Отчет о жизни на Курилах

*Простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе то, что народ открывал. Так присоединены Камчатка и Курильские острова. Только позже они были освоены правительством.  
(Академик К. М. Бэр)*

Первые собранные на Камчатке расспросные сведения о Курильских островах сообщил якутскому воеводе, а затем в Москве дьякам Сибирского приказа «камчатский Ермак», пятидесятник Владимир Атласов, о чем мы уже говорили. В своей книге о Курильских островах и пребывании в плену у японцев, изданной в 1816 году, русский моряк Василий Михайлович Головнин утверждал: Курильские острова прозваны так за «курящиеся вулканы». Но оказалось, что это неверно.

Название «курилы» было заимствовано казаками, по словам академика С. П. Крашенинникова, от камчадалов, которые называли обитателей Южной Камчатки *кушин* (куши) или *кужин*. В языке камчадалов (ительменов) нет звука [р], и там, где другие народы употребляют этот звук, камчадалы произносят [ж]. Вот казаки, первые русские на Камчатке, и переделали (как и ряд других ительменских слов) *кужин* в *кури*.

В XVIII веке историк Г. Ф. Миллер писал о том, что жители Южной Камчатки (курилы – потомки от смешанных браков айнов, жителей Курильских островов, и ительменов), как и сами ительмены, называли островитян *kuride*. На языке же курилов и айнов *кур* или *куру* означает «человек». Гиляки (теперь нивхи) называли айнов *куги*, а китайцам и маньчжурам, которые о сахалинских айнах знали со слов гиляков, они известны как *куе*.

Сами айны называли Курильские острова *Курумиси*, то есть «людская земля». Значит, название островов связано с айнскими понятиями «человек», «земля людей». Правда, айны и себя называли *айну*, что на их языке означало также «человек» (видимо, в значении: конкретно человек племени айнов, а не вообще человек).

Айны являлись древнейшими обитателями не только Курильских островов, но и Хоккайдо и Южного Сахалина. Из-за сильно выраженной растительности на лице, и не только, казаки называли их «мохнатыми». Ученые много спорили по поводу происхождения этого древнего народа. Видный отечественный антрополог, член-корреспондент Академии наук СССР Л. Я. Штернберг высказал гипотезу (которую поддержал ряд ученых) о происхождении айнов с островов в южной части Тихого океана. «По физическому типу, – писал он, – айну представляют вариацию той первичной австралоидной длинноголовой бородатой расы, разновидности которой мы одинаково находим и в Австралии, и в Южной Индии, и в Западной Океании, а особенности их культуры и языка мы находим у самых различных народов Океании и наиболее ясно – у ближайших из этих народов, живущих в Индонезии, на Филиппинах и на Формозе (остров Тайвань)».



Айны (*Вверху* – старые фотографии, *внизу* – старинные гравюры)

Путешественники, побывавшие на Курильских островах, утверждали, что высказывание академика С. П. Крашенинникова о курилах, ближайших родичах айнов, можно полностью распространить и на самих айнов: «Они несравненно учтивее других народов: а при том постоянны, праводушны, честолюбивы (честны) и кротки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам».

В 1706 году приказчик Камчатских острогов Василий Колесов (начальник над Камчатскими острогами) послал Михайлу Наседкина в «Курильскую землю» (в самую южную часть Камчатского полуострова) «для умирительства на немирных иноземцев». Он должен был объяснить всех курилов – жителей юга Камчатки, которые еще не стали подданными России.

На собачьих упряжках Наседкин добрался до Носа, то есть до самого южного мыса полуострова – мыса Лопатка, и убедился: за Носом, за «переливами» (за проливом) в море видна земля, «а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, и потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде».

Якутский воевода, получив доклад о видимых за проливом землях, поручил казачьему десятнику Василию Савостьянову, назначенному на Камчатку, «поделав суды, какие прилично, за переливами на море земли и людей всякими мерами, как можно, проведывать», людей приводить в подданство, собирать с них ясак и «той земле учинить особый чертеж».

В августе 1711 года в экспедицию на видимые в море острова были посланы казацкий атаман Даниил Яковлев Анциферов и есаул Иван Петров Козыревский. Они вызвались в экспедицию добровольно, желая загладить свою вину (участие в бунте казаков, в ходе которого были убиты казачий голова В. Атласов и два приказчика).

С Носа на малых судах и байдарках Анциферов и Козыревский переправились на первый из Курильских островов – Шумшу (длина около 30 километров). На нем обитали курилы, тот же народ, что жил на юге Камчатки. Казаки имели с ними бой и после него отметили в донесении, что «курильские мужики к бою ратному досужи и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анадырского по Камчатскому Носу». Академик Л. С. Берг выразил сомнение в истинности этих слов из «скаска», ведь многие последующие описатели Курил свидетельствовали об обратном: о миролюбии, даже робости местных жителей.

Анциферов и Козыревский не смогли собрать ясак на Шумшу, и это они объяснили так: «На том их острове соболей и лисиц не живет, и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу. А одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья». Казаки сообщили также о своем посещении второго к югу острова Курильской гряды – Парамушир (по-айнски *поро-машири* значит «большой остров»), где было много жителей. Но и там, по их словам, собрать ясак не удалось – несмотря на то, что они призывали местных айнов «ласкою и приветом» к принятию российского подданства. Местные жители отвечали, что дань никогда не платили. «Соболей и лисиц, – говорили они, – не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те бобры испроданы иной земле иноземцам, которые де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные, тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего». Пробыв на Парамушире два дня, казаки не решились вступить в бой с айнами.

Анциферов и Козыревский вернулись в Большерецк и представили чертеж, который, к сожалению, не сохранился. Один из камчатских казаков, Григорий Переломов, участвовавший в убийстве В. Атласова, а затем в «курильском» походе вместе с Анциферовым и Козыревским, позднее под пыткой заявил, что казаки были только на первом острове. Возможно, и так: на первом острове, несомненно, были, а о втором могли получить сведения от жителей первого.

В 1712 году Анциферов погиб на реке Аваче, а Козыревскому приказчик Василий Колесов поручил измерить землю от реки Большой до мыса Лопатка, а также острова за «переливом» – и «обо всем велел Ивану учинить чертеж и написать всему тому доезд (отчет)».

Иван Козыревский составил по расспросам (в том числе и японцев с судов, потерпевших в 1710 году крушение у берегов Камчатки) чертеж «Камчадальской земли» и Курильских островов (первая карта Курильской гряды). Он же сдал в казну найденные на разбитых японских судах 22 золотника (около 100 граммов) золота красного, в плашках (монетах) и кусках, и все обнаруженные на этих судах документы.

Летом 1713 года Козыревский вновь был отправлен «для проведывания от Камчацкого Носу за переливами морских островов и Апонского государства». На изготовленных в Большерецке малых судах с ним отправились 55 казаков и промышленников, а еще 11 камчадалов. В Верхнекамчатском остроге Козыревскому выдали две медные пушки, 20 ядер, пищали, порох, свинец и другие припасы. В качестве вожа (лоцмана) и толмача был взят японец Сана из команды потерпевшего крушение судна.

По сообщению Козыревского, на втором острове, большом и гористом (длина около 100 километров), «курильцы были zelo жестоки и наступали в куюках (панцирях из деревянных или костяных пластин), имея сабли, копья и луки со стрелами». Казаки вступили в бой с местными жителями и захватили добычу. Третий остров был только «проведан», но на него казаки, вероятнее всего, не высаживались.

На Камчатке Козыревский представил приказчику Колесову журнал плавания и посещения островов, а также «тем островам чертеж, даже и до Матманского острова», то есть до острова Матсмай (Хоккайдо). Это были первые достоверные материалы о географическом положении Курильской гряды, составленные в основном по расспросным сведениям.

И академик Г. Ф. Миллер, описывая Курильские острова, руководствовался отчетом Козыревского. От мыса Лопатка до острова Шумшу можно было в кожаных байдарках пройти на веслах за два-три часа. На этот остров приплывали жители южных островов для покупки меха морских бобров, лисиц и орлиных перьев для стрел. На вулканический остров Алаид (теперь остров Атласова; от побережья Камчатки до него 80 километров), расположенный к западу от Шумшу, жители Камчатки и двух соседних островов добирались в лодках для промысла сивучей и тюленей, которых в то время там было множество.

У жителей Южной Камчатки существовала легенда о вулкане Алаиде: «будто помянутая гора стояла прежде сего посреди объявленного озера (Курильского озера на юге Камчатки); и понеже она вышиной своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодовали и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от беспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память свою на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по-курильски Учичи, так же и Нухгунк, то есть пупковой, а по-русски сердце-камень называется, которой стоит посреди Курильского озера и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае одного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремила за нею и проложила себе к морю дорогу».

Жители острова Парамушир делали холст из крапивы. От приезжавших с южных островов (например, с острова Уруп) курилов они получали взамен шелковые и бумажные ткани, котлы, сабли и лаковую посуду. Оружием им служили луки, стрелы, копья и сабли, имели они и панцири. Следующий остров – Мушу, или Оникутан (теперь Онекотан, по-айнски «старая деревня»).



Карта Г. Ф. Миллера

Жители острова, айны, промыслили морских бобров и лисиц, ходили на соседние острова для промысла, а иногда добирались для покупки бобров на Камчатку. Как писал Миллер, «многие знают камчатский язык, коим говорят на Большой реке, потому что они с Большерецкими камчадалами торгуют и женятся».

Дальше находится остров Арамакутан (ныне Харамукотан, по-айнски «деревня лилий»). На пятый остров, Сияскутан (ныне Шиашкотан), съезжались курильцы с севера и юга для торга. Затем идут мелкие острова. На острове Китуй (ныне Кетой) растет камыш, употреблявшийся ранее курильцами на древки стрел (имелся в виду, очевидно, курильский бамбук). Одиннадцатый остров, Шимушир (Симушир), был населен. В перечислении Миллера двенадцатым значится остров Итурупу (Итуруп) и тринадцатым – Уруп. Тут Миллер ошибся (повторил чужую ошибку): Уруп лежит севернее Итурупа.

Об Итурупе, самом большом острове Курильской гряды (длина до 211 километров), сообщалось: остров велик, и на нем много жителей, которые по языку и обычаям отличаются от северных курильцев – бреют голову и «поздравление отдают на коленях». Говорилось также, что на острове были леса, в которых водились медведи; текли реки, имелись удобные гавани, в частности, на северо-восточном берегу, в бухте Майоро (или Медвежьей).

Жители Урупа, по Миллеру, были такими же, как и на Итурупе. Они покупали ткани на Кунашире и сбывали их на первом и втором северных островах. Жители Урупа и Итурупа получали с Матсмая (остров Хоккайдо) через посредничество жителей Кунашира японские шелковые и бумажные ткани, железные изделия. А итурупцы и урупцы продавали японцам ткани из крапивы, меха, сушеную рыбу и китовый жир.



Российский Дальний Восток с Камчаткой, Сахалином и Курильскими островами

Далее Миллер описал остров Кунашир, жителей которого обогащала торговля с японцами. Они часто ездили для торговли на остров Матсмай и, возможно, заметил академик, зависели «от города Матмая» (город Хакодате на юго-западе Хоккайдо). От Козыревского Миллеру стало известно о содержании в неволе на Матсмае, Кунашире, Итурупе и Урупe множества камчадалов, мужчин и женщин (которые попадали в рабство в результате межплеменных войн).

Вместе с отчетом Иван Козыревский представил приказчику Василию Колесову найденное на Парамушире шелковое и крапивное платье, японские сабли, три золотые монеты, а также двух аманатов (заложников) и одного «дальнего курильца именем Шаптаной», прибывшего с Итурупа на Парамушир для торговли японскими товарами.

Козыревский собрал первые сведения о коренных жителях Курильских островов – айнах. Он выяснил, что до появления казаков айны, заселявшие не только северные острова гряды, но и южные – Уруп, Итуруп и Кунашир, не признавали над собой ничьей власти. От него стало известно, что японцам запрещено плавать севернее острова Хоккайдо и торговля японцев с островами Курильской гряды ведется только через посредников-айнов. Эти сведения побудили царя Петра I к продолжению исследования Курильских островов.

Любопытна дальнейшая судьба Ивана Козыревского. Дед его, поляк, взятый в плен во время войны с Польшей, был сослан в Сибирь. Иван Козыревский принимал активное участие в восстании казаков на Камчатке в 1711 году. Правда, сохранилось свидетельство его сына: отец имел лишь косвенное отношение к убийству В. Атласова. В 1717 году Козыревский постригся в монахи и принял имя Игнатий. В 1720 году он, будучи на постоялом государственном дворе, повздорил с одним служилым, укорявшим его в убийстве камчатских приказчиков. Козыревский, теперь уже монах Игнатий, ответил, что «которые де люди и цареубойцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать». За эти слова Игнатий был отправлен под караулом в Якутск с сопроводительным письмом, где было сказано: «А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение».

Но в Якутске он был отпущен и даже одно время замещал архимандрита Феофана в Якутском монастыре. В 1724 году его вновь взяли под стражу по делу о камчатском восстании 1711 года. Он бежал из-под стражи и подал Якутской воеводской канцелярии челобитную, что знает путь до Японии и просит отправить его по этому делу в Москву, но получил отказ.

В 1726 году монах Игнатий (Козыревский) явился в Якутске к Витусу Берингу с чертежом Камчатки и Курильских островов и просил принять его на службу для плавания к берегам Японии. В записке, переданной Берингу, он указал метеорологические условия в проливах в различные времена года и расстояния между островами.

Беринг также отказал ему.

В следующем году Игнатий был включен в отряд казачьего головы Афанасия Шестакова, направлявшегося на северо-восток Сибири «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Игнатию было поручено плыть до устья Лены, выйти в море для открытия земель к северу от устья. Он построил за свой счет (а может, за счет монастыря) судно «Эверс» и на нем в августе 1728 года поплыл вниз по Лене, а добравшись до Сиктяха (селение на Лене, почти под 70° северной широты), там зазимовал. В январе 1729 года Игнатий вернулся в Якутск; весной «Эверс» был изломан при подвижке речного льда.

В 1730 году Игнатий появился в Москве. По его челобитной Сенат выделил 500 рублей, немалую для того времени сумму, на обращение в христианство камчадалов. Он был возведен в сан иеромонаха и начал готовиться к отъезду. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 26 марта 1730 года была напечатана статья о его заслугах в деле открытия новых земель к югу от Камчатки: «И о пути к Япану и по которую сторону островов итти надлежит, такожде и о крайнем на одном из оных островов имеющемся городе Матмае или Матсмае многие любопытные известия подать может».

Но опять последовал донос на него как якобы на участника бунта против Атласова. По приговору Синода он был лишен сана и монашеского чина, после чего «до прибытия документов из Сибири» помещен в тюрьму, где и скончался 2 декабря 1734 года.

## Мартын Шпанберг Вдоль Курильской гряды

После того, как был налажен «морской ход» между Охотском на западном побережье Охотского моря и Камчаткой, царь Петр I решил организовать экспедицию «для поиска близрасположенных от Камчатского полуострова земель». В 1719 году он приказал, чтобы геодезисты Иван Михайлович Евреинов и Федор Федорович Лужин, обучавшиеся в Морской академии в Петербурге, досрочно сдали экзамены за полный курс обучения и были отправлены во главе отряда из 20 служилых на Дальний Восток с поручением: «Ехать вам до Таболска и от Таболска взять провожатых, ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно зделать не только суйд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить».

Позже историками высказывалось мнение, что геодезистам была дана, кроме того, устная секретная инструкция. Так, серьезно занимавшийся историей капитан 1-го ранга А. С. Сгибнев в 1869 году обоснованно, на наш взгляд, писал о том, что задание узнать, сошлася ли Америка с Азией, было дано лишь для того, чтобы замаскировать подлинную цель экспедиции – исследовать Курилы и собрать подробные сведения о пути в Японию. Некоторые полагают, что Петр послал геодезистов на Курилы проверить, нет ли там серебряной руды.

Ведь Козыревский в отчете о Курилах сообщал, что японцы «на 6-м острове берут руду».

Пересекая Сибирь по маршруту длиной около 6 тысяч километров, геодезисты выполнили измерение расстояний и определили астрономически координаты 33 пунктов. В мае 1720 года они прибыли в Якутск и затем добрались до Охотска. Летом в Охотске к ним присоединился кормщик Кондратий Мошков. В сентябре они на «казенной лодии», которой управлял Мошков, отправились на Камчатку и через 10 дней пристали в устье реки Ичи. Оттуда перешли на юг к реке Колпаковой, где лодья перезимовала.

В мае 1721 года на том же судне они из устья реки Большой поплыли к Курилам. Идя вдоль гряды, достигли «6-го острова» (С. П. Крашенинников, который мог в 1738–1741 годах получить наиболее достоверные сведения, считал, что это был остров Симушир).

У этого острова во время шторма судно потеряло якорь и было унесено ко второму острову – Парамушир. Сойдя на берег, путешественники запаслись водой и провизией, а на место якоря привязали орудие и наковальню, но при их подъеме канат лопнул. Тем не менее в конце июня судно благополучно возвратилось в Большерецк. Здесь были изготовлены два деревянных якоря, которые оковали сковородами, после чего судно направилось в Охотск.

Таким образом, русские моряки впервые достигли центральной группы Курильских островов, до Симушира включительно. Геодезисты нанесли на карту 14 островов. Из Якутска Евреинов, не сообщая никому о цели и результатах плавания, поспешил на запад. В мае 1722 года, застав императора в Казани, он представил ему отчет и карту Сибири, Камчатки и осмотренных Курильских островов. Это была первая русская карта Сибири, базирующаяся на точных (для того времени) определениях широты опорных точек с помощью астрономических наблюдений.

Пройти морем вдоль всей Курильской гряды до берегов Японии удалось русским морякам в ходе 2-й Камчатской экспедиции Беринга (1733–1743 годы), один из отрядов которой и должен был описать Курильские острова и путь в Японию от принадлежавших России дальневосточных берегов. О приоритетности именно этой задачи говорит то обстоятельство, что исследования в данном направлении начались за два года до начала плавания основного отряда экспедиции Беринга к берегам Северной Америки, то есть еще в 1738 году.

Начальником отряда был назначен капитан полковничьего ранга Мартын Петрович Шпанберг, родом датчанин. С 1720 года он начал службу в российском флоте в чине лейтенанта.

Мартын Шпанберг, еще будучи капитан-лейтенантом, в 1727 году командовал шитиком «Фортуна», перебрасывая людей и грузы 1-й Камчатской экспедиции Беринга из Охотска в Большерецк, что на западном берегу Камчатки. В 1728 году он был участником исторического плавания на боте «Святой Гавриил» под командой Беринга в Чукотском море. Шпанберг являлся членом 2-й Камчатской экспедиции Беринга. В труднейших условиях он руководил речными и сухопутными караванами, переправляя через необъятную Сибирь в Охотск людей, припасы, материалы, и участвовал в строительстве на Дальнем Востоке судов.

В Охотске специально для отряда Шпанберга были построены бригантина «Архангел Михаил» и дубельшлюпка «Надежда», а также отремонтирован бот «Святой Гавриил». Это были небольшие парусно-гребные суда длиной 18,3–21,3 метра, шириной 5,2–6,1 метра и с осадкой 1,52–2,3 метра; бригантина – двухмачтовое судно, дубель-шлюпка – одномачтовое. Командиром «Надежды» назначили лейтенанта Вилима Вальтона, ботом «Святой Гавриил» командовал лейтенант Алексей Шельтинг, а бригантиной – сам Шпанберг.

Вилим Вальтон, выходец из Англии, был принят штурманом на российскую службу в 1723 году, а затем определен лейтенантом в состав 2-й Камчатской экспедиции. Алексей Шельтинг, родом из Голландии, был в 1730 году принят в российский флот мичманом, а в 1733 году по личной просьбе зачислен в Камчатскую экспедицию.

18 июня 1738 года три судна под общим командованием Шпанберга вышли из Охотска и взяли курс на Камчатку. На бригантине «Архангел Михаил» в плавание ушли 63 моряка, на остальных двух судах – по 44 морехода. В открытом море им встретились льды, которые пришлось обходить в течение нескольких дней. Затем начался шторм, во время которого суда потеряли друг друга из вида и далее в Большерецк следовали порознь.

В середине июля все три судна вышли из Большерецка и отправились на юг вдоль Курильской гряды. Из-за густого тумана суда снова потеряли друг друга.





Судно «Святой Гавриил» (Рисунок и модель)

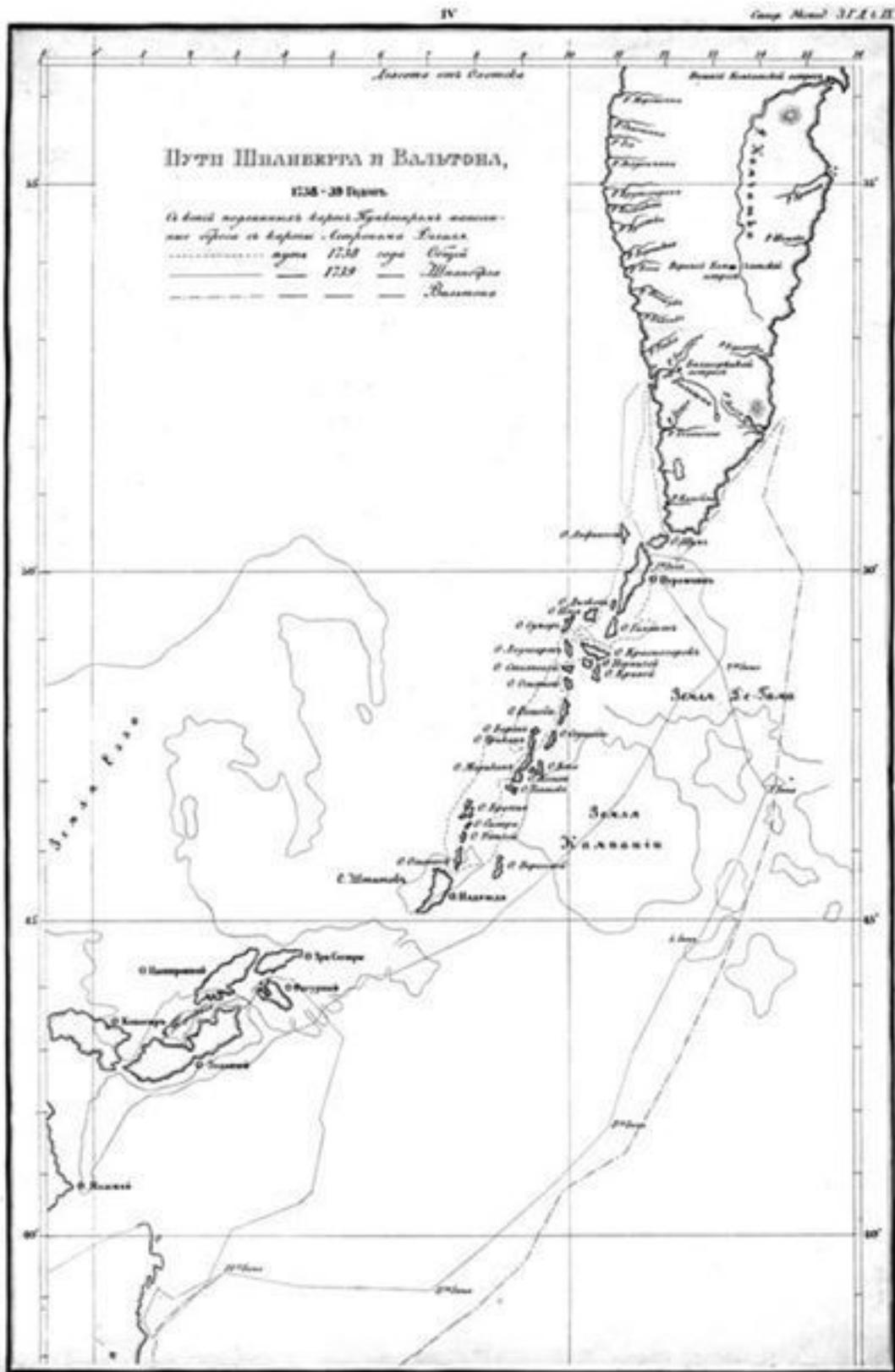
Шельтинг отстал от отряда и вернулся в Большерецк. Шпанберг прошел вдоль Курильской гряды, ни разу не высадившись на скалистые берега, – сильное течение и большая волна на море не позволяли стать на якорь. Он дошел, по-видимому, до острова Уруп и, обогнув его, возвратился в Большерецк. Шпанберг считал чересчур рискованным плавать в «жесткие погоды», кроме того, запасы продовольствия подходили к концу.

Вальтон, отделившись от Шпанберга, прошел вдоль Курильской гряды. Он зафиксировал на карте 26 островов и, не дойдя немного до острова Хоккайдо, вернулся в Большерецк.

Во время этого плавания были собраны новые сведения о Курильских островах: составлено несколько карт островов, в шканечные журналы занесены первые описания их берегов, а также отмечены глубины и течения вблизи них. Велись ежечасные записи о ветрах, несколько раз в сутки отмечалась общая характеристика погоды и ее изменения. Все эти ценные для климатологии наблюдения хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Петербурге.

Во время зимовки в Большерецке Шпанбергу удалось построить из березовой древесины так называемую «березовку» – 18-весельный бот «Большерецк», отданный под команду боцманмату Василию Эрту.

22 мая 1739 года все четыре судна отряда, выйдя из Большерецка, поплыли на юг и через несколько дней достигли первых Курильских островов. Здесь по приказу Шпанберга произошла смена командиров: Вальтон перешел на бот «Святой Гавриил», а Шельтинг – на дубель-шлюпку «Надежда». Видимо, таким образом командир отряда хотел ограничить самостоятельность Вальтона, поставив его во главе менее знакомой команды. Последний не раз пытался оторваться от отряда и проводить розыск новых земель самостоятельно.



Маршрут Шпанберга и Вальтона (Карта 1738–1739 гг.)

Отряд Шпанберга продолжил плавание на юг, стремясь найти гипотетическую Землю Хуана де Гамы, показанную на многих картах того времени в океане юго-восточнее Камчатки. Пройдя дальше на юг и не обнаружив этой земли, Шпанберг повернул на запад, к берегам Японии.

16 июня 1739 года при приближении к японскому побережью Вальтон отстал, а отряд Шпанберга подошел к самому берегу и направился вдоль него на юг. По пути встречалось много небольших японских судов. Русские моряки вглядывались в берега и видели деревни, окруженные засеянными полями, и редкий лес. Только через неделю суда Шпанберга отдали якоря в версте от берега.

«Тогда, – писал в донесении о деятельности отряда Шпанберга Витус Беринг, – приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, из которых многие были на судах его, шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы». Жители ближних селений доставили «пшено сарочинское (рис), огурцы соленые и редис большой, и табак листовой и прочие овощи». Необходимые вещи моряки брали «со всякою дружескою ласкою». Японцы с удовольствием принимали ответные подарки, благодарно «прижимая их руками к груди». Затем бригантину посетили «знатные люди», которых одарили золотыми монетами.

Итак, главная задача, поставленная перед Шпанбергом, была успешно выполнена: открыт путь к японским островам от берегов Камчатки вдоль Курильской гряды, причем была определена его протяженность.

На обратном пути корабли отряда прошли мимо островов Шикотан и Итуруп. На Шикотане обнаружили удобный залив, зашли в него, на берегу моряки заполнили пресной водой бочки. Здесь от отряда отделился бот «Большерецк».

Повернув на запад от этих островов, Шпанберг и Шельтинг высаживались и на другие Южно-Курильские острова, в частности, на Кунашир, где от коренных жителей айнов удалось получить много новых сведений о близлежащих землях.

Бригантина и дубель-шлюпка подошли вновь к острову Хоккайдо, но на берег моряки не высаживались, так как на судах к этому времени было много больных. Шпанберг принял решение возвращаться в Охотск. По пути к Камчатке он специально пересек те места, где, по картам того времени, располагался большой остров Штатов, но ничего не обнаружил. По мнению современных историков, островом Штатов, известным в XVII веке от голландцев, на самом деле были острова Итуруп и Кунашир, помещенные на картах совершенно неправильно. За время плавания на бригантине скончались от цинги 13 моряков.

Дубель-шлюпка «Надежда» под командой Шельтинга, разлучившись на обратном пути со Шпанбергом, возвращалась в Большерецк самостоятельно. Уже при подходе к Большерецку во время шторма судно едва не выбросило на берег. На следующий день Шельтингу все же удалось войти в устье реки Большой. Во время плавания несколько членов экипажа «Надежды» умерли, а многие другие были больны.

Вскоре «Надежда» вышла из Большерецка и поплыла в Охотск, но начавшийся шторм отбросил ее к югу. Через две недели, когда ветер стих, «Надежда» еще раз подошла к Охотску – и опять была отброшена штормом. Через неделю все повторилось. Измученному экипажу пришлось вернуться на Камчатку. В Охотск судно прибыло лишь в следующем году.

Вальтон на боте «Святой Гавриил» также добрался до японских берегов и стал на якорь у селения Амацумура (остров Хонсю). Чтобы пополнить запасы пресной воды, на берег отправился штурман Лев Казимеров в сопровождении семи моряков. Японцы встретили их приветливо, угощали вином, овощами, табаком, вареным рисом. К материке Вальтон возвращался более южным путем, чем тот, которым плыл отряд Шпанберга к берегам Японии. Видимо, лейтенант все еще не терял надежды увидеть Землю де Гамы.

Петербургские власти были довольны результатами плавания отряда Шпанберга в 1738–1739 годах. После получения донесения Беринга и рапорта Шпанберга в проекте указа кабинета министров отмечалось: «Особливо зело приятно нам из одного рапорту видеть было, коим образом вы во втором вояже не токмо многие острова Японские видели, но и к самим берегам

Японской земли приближались, и тамошний народ и их суды видеть, и с ними к ласковому обхождению початок учинить случай получили, и благополучно оттуда возвратились».

В 1741 году в Охотске для отряда Шпанберга был построен пакетбот «Святой Иоанн», а также отремонтированы бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюпка «Надежда» и бот «Большерецк». Из Петербурга в распоряжение Шпанберга были специально присланы два ученика Академии наук, обучавшиеся японскому языку.

В сентябре 1741 года все четыре судна отряда Шпанберга перешли из Охотска в Большерецк. На следующий год в конце мая пакетбот «Святой Иоанн» под командой Мартына Шпанберга, бригантина «Архангел Михаил» под командой мичмана Алексея Шельтинга, дубельшлюпка «Надежда» под командой штурмана Василия Ртищева и бот «Большерецк» под командой боцманмата Никифора Козина вышли в море в южном направлении.

На первых северных Курильских островах взяли на борт двух переводчиков из местных жителей. Стоял сильный туман, и суда потеряли друг друга. Когда через несколько дней туман рассеялся, около пакетбота оказался только «Большерецк». Однако через неделю плавания потерялся из вида и он.

Шпанберг прошел далеко на юг, но на судне открылась большая течь, и ему пришлось возвращаться. У первых северных Курильских островов суда отряда соединились, и Шпанберг со всеми судами, кроме «Надежды», ушел в Большерецк, а затем и в Охотск.

Исследования продолжила только «Надежда», которая находилась, по мнению Шпанберга, в лучшем техническом состоянии. Шельтинг, назначенный на дубельшлюпку командиром, спустился на ней к юго-западу вдоль Курильской гряды и подошел к Сахалину. Затем он поплыл к югу вдоль его восточных берегов, почти до пролива Лаперуза, отделяющего Сахалин от Хоккайдо. Из-за туманов и неблагоприятных ветров восточный берег Сахалина, который Шельтинг отождествил по имевшейся у него карте с Землей Иезо, был осмотрен поспешно. Затем «Надежда» повернула на север и возвратилась в Охотск.

Так закончилась деятельность отряда Шпанберга по описи Курильских островов и розыску пути в Японию. Российские моряки совершили важные географические открытия: был определен путь от Камчатки к Японии вдоль Курильской гряды, нанесены на карту все Курильские острова от мыса Лопатка до острова Хоккайдо, западные участки побережья Охотского моря, включая восточное побережье Сахалина и часть Северной Японии. Было доказано, что к востоку от Японских островов никакой суши нет, Земля де Гамы не существует, а остров Штатов и Земля Компании – два крупных Курильских острова: Итуруп и Кунашир.

Карты Шпанберга и Вальтона были использованы в работе над атласом, изданным Академией наук в 1745 году, – при составлении восточной части Генеральной карты Российской империи, а также карты Дальнего Востока, где были Курильские острова, часть Японии, южная часть Камчатки, Сахалин и устье Амура.

Важно помнить, что российские моряки совершили открытия на судах, построенных в молодых дальневосточных форпостах Российской державы. Походы судов отряда Мартына Шпанберга относятся к числу первых плаваний россиян по океанским просторам. Эти морские походы много дали для развития географической науки и подготовили условия для проведения описи Курильских островов в начале XIX века с использованием новых технических средств на российских кораблях под руководством прославленных мореплавателей Ивана Федоровича Крузенштерна и Василия Михайловича Головнина.

Но использование курильских промыслов и освоение Курил русскими проходило в течение всего XVIII века. Долгое время сборщики ясака ходили не далее первых двух северных островов и только в 1740-х годах проникли дальше, до Чиринкотана (Шиашкотан). Из-за этого часть местных жителей уплыла на южные острова. Для их возвращения был послан в 1750 году старшина Николай Сторожев, живший на первом острове. Он побывал на более южных

островах, вплоть до Симушира, но не смог вернуть беглых курильцев на свои прежние места проживания.

В 1755 году Сторожев представил в Большерецк донесение, в котором о жителях острова Ушишир сообщил следующее:

«Курильцов 25, природою весьма мохнаты: губы, руки и ноги для красоты черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходимы; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, тоён, которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове (академик Л. С. Берг предположил, что речь шла об острове Итуруп); 10 человек из них уговорены в ясачный платеж».

Тойон Симушира подарил Сторожеву саблю с ножами, что у айнов означало великую честь и дарилось в знак вечной дружбы. Однако уговорить его принять подданство России не удалось.

В 1761 году сибирский губернатор Соймонов поручил полковнику Плениснеру, командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов, собрать более подробные сведения о Южных Курильских островах. Для этого в 1766 году из Большерецка были отправлены туда начальник второго острова Никита Чикин и казачий сотник Иван Черный. Им предписывалось курильцев «уговаривать в подданство, не оказывая при этом не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку».

Чикин скончался на Симушире, и с 1767 года Иван Черный оказался единственным представителем российских властей на островах. Зимой 1767/1768 года он провел на Симушире, заставляя местных жителей работать на себя и нещадно наказывая провинившихся. Летом он добрался до острова Итуруп и привел в подданство всех местных айнов и даже двух приезжих с Кунашира. Тойон Итурупа сообщил ему, что на Кунашире японцы основали крепость. Черный поселился на Урупе и занялся промыслом бобров, продолжая эксплуатировать местных айнов.

В 1769 году курильский начальник возвратился в Большерецк и подал свой отчет о плавании, в котором подробно и, по мнению академика Л. С. Берга, весьма толково описал острова. Поражает малая населенность Курильской гряды в то время. Так, Черному на 19 островах (включая Итуруп) удалось привести в подданство лишь 83 взрослых мужчин-айнов. Любопытно, что все преступления Черного в части отношений с айнами стали известны российским властям. Над ним было назначено следствие, прекращенное только из-за его смерти от оспы в Иркутске.

Преступные действия сотника Черного привели к тому, что в 1771 году айны подняли восстание и истребили многих русских на Итурупе. Курильцы ночью похищали у русских оружие и затем набрасывались на безоружных. Пользовались они в бою и отравленными стрелами.

В 1777 году из Охотска на Уруп отплыла бригантина «Наталья», на которой в качестве переводчика находился иркутский посадский Шабалин. В мае следующего года Шабалин на трех байдарках пошел на Итуруп. Там у него произошла удивительная встреча с местными тойонами айнов, которая еще раз подтвердила, как непросто понять обычаи и поведение незнакомого народа:

«В изъявление дружбы они сначала, держа в руках обнаженные сабли и копья, кричали с лодок; бывшие на берегу мохнатые, из числа сопровождавших Шабалина, в ответ ходили вдоль берега с копьями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали нелепым и зверообразным голосом и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их и кричали также тонкими голосами».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.